

АНАСТАСИЯ МИЛЮР

СВЕЧНАЯ ЛАВКА
САМОЗВАНКИ

или Беглая невеста
Инквизитора

Анастасия Миллюр

Свечная лавка самозванки, или Беглая невеста инквизитора

<https://litres.ru/74420087>

Аннотация

— К сожалению, результат отрицательный. — То есть... опять? — прошептала я. — Да. Ваш организм не принимает эмбрион. Мы сделали всё возможное...

Когда моя жизнь рухнула, я проснулась в другом мире — в теле служанки. Но судьба сыграла со мной злую шутку: после кораблекрушения меня приняли за пропавшую невесту инквизитора.

Казалось бы, удача! Вот только матери жениха не нужна “невестушка” — лишь внук, после которого мне уготован монастырь. Но я не намерена покорно ждать своей участи. И когда узнаю, что во мне уже растёт ребёнок, понимаю — время на исходе! Мой план — бежать и освоиться там, где даже инквизиция бессильна.

Но Роан Альвьер не зря возглавляет инквизицию. Он привык владеть ситуацией. И если решил, что я останусь, значит, так тому и быть.

Или он всё же недооценил самозванку?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	57
ГЛАВА 7	72
ГЛАВА 8	83
ГЛАВА 9	96
ГЛАВА 10	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

ГЛАВА 1

— Екатерина Андреевна... — врач сделал паузу, подбирая слова. — К сожалению, результат отрицательный.

Я моргнула, пытаюсь осознать услышанное.

Голос Дениса Федоровича был мягким, даже сочувственным, но легче от этого не становилось.

— То есть... опять? — спросила я почти шёпотом.

— Да. Ваш организм не принимает эмбрион. Мы сделали всё возможное. Иногда так бывает, — он чуть опустил взгляд, избегая прямого контакта. — Я бы советовал вам подумать об усыновлении.

Эмбрион. Какое холодное, бездушное слово. Для него — медицинский термин, для меня — малыш, который мог бы родиться.

— Но я... — голос сел. — У меня была тошнота и...

Увидев, как врач поджал губы, я замолчала, проглатывая слова протеста и кивнула, не устраивая сцен истерик. Я давно приучила себя не позволять никому видеть слабость. Но внутри всё сжалось в тугую ком: злость, боль, пустота.

Две недели я жила только этим ожиданием. Две недели надежды. Прислушивалась к каждому движению тела, боялась лишнего шага, ловила воображаемые симптомы и уговаривала себя верить. А теперь всё это оказалось ничем. Стерто одним словом: отрицательный.

Коридор встретил тишиной и мягким светом. На стенах висели картины: улыбающиеся женщины с младенцами на руках, сцены материнского счастья — будто в насмешку. В вазах стояли свежие цветы, воздух был наполнен лёгким ароматом. Всё выглядело безупречно, уютно, и всё же казалось чужим, враждебным.

Я вышла из клиники под морозящий дождь. Он лип к коже, пробирался под воротник, холодил. Хотелось сесть на корточки, обхватить колени руками и завывать.

Почему?! Почему женщины, которым это не нужно, легко беременели, а потом отказывались от ребенка, бросали его, словно ненужную вещь? А мне даже не позволяли испытать этого счастья, лишали самого права на надежду! Это несправедливо!

Внутри всё разрывалось на куски от боли, от обломков надежд, с которыми мой мир рухнул в бездну.

Я сильнее сжала ремешок сумки.

Нет. Я не сломаюсь. Не сейчас. Не здесь.

В кармане завибрировал телефон. Я машинально вытащила его, надеясь на пустяковое уведомление, способное хоть ненадолго отвлечь от гнетущих мыслей, но экран вспыхнул именем давней знакомой, и рука дрогнула. Я открыла сообщение — и сразу же заблокировала телефон, словно это могло стереть увиденное из памяти.

По болезненно ноющему сердцу будто полоснули раска-

лённым ножом. Дыхание сбилось, мир поплыл перед глазами.

На присланной фотографии был запечатлен мой бывший муж. Радостная улыбка, счастливая молодая жена рядом, а в руках у него - кулёк, перевязанный синей лентой. Их сын. Мальчик. Как он всегда и мечтал. И как я мечтала — но теперь эта мечта принадлежала другой.

Судьба словно смеялась мне в лицо, нарочно показывая то, чего я не могла иметь. Казалось, весь мир сговорился против меня, чтобы раз за разом напоминать: чужое счастье возможно, а моё — нет.

Я с силой зажмурилась, потому что удерживать внутри слезы стало почти невозможно. Это было последней каплей. Вторя моим чувствам, прогремел гром, заглушая шум моторов и голоса людей. Земля под ногами дрогнула.

Пусть. Пусть трясется и рушится. Может, тогда никто не услышит, как я буду выть от безысходности.

Меня затошнило, мир начал вращаться, и я уже не могла понять, падала ли я в обморок или сама реальность трещала по швам. И последней мыслью перед тьмой было отчаянное: «Если в этой жизни стать матерью не получилось, я готова начать следующую»

...

Очнулась я в темноте. Что-то кололо меня сквозь одежду,

в нос ударил запах моря, сухих трав и смолы. Где-то наверху скрипели доски, доносились резкие мужские крики и грубый смех. Внутри все сжалось от страха.

Что-то не так.

С колотящимся в горле сердцем я села и резко распахнула глаза. В ушах зашумело, и я моргнула, не веря в то, что видела.

Это...

У стены стоял сундук, обвятый полумраком тесной комнаты, в углу виднелось ведро, а пол был выложен толстым слоем соломы.

От шока у меня пересохло горло. Я пару раз хлопнула себя по щекам, но картинка перед глазами не изменилась.

Это тюрьма – вынес заключение разум, усиливая мою панику.

Но как я могла оказаться в тюрьме?! Сидящей на соломе?! Из меня вырвался нервный смешок, фиксируя безумие происходящего, но тут пол подо мной качнулся. Я вскрикнула от неожиданности и вцепилась в сухие пшеничные стебли, хотя они мало чем могли помочь.

Меня бросило в ледяной пот.

Качка была до боли знакомой. Так качало на корабле, но... Что я забыла на деревянном корабле? И не будем забывать про гребаную солому! Никогда я не была так близка к тому, чтобы уверовать в свое сумасшествие.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге показалась низкая

полная женщина с крючковатым носом, волосами, убранными под фартук (?), в закрытом темном шерстяном платье.

— Чего расселась?! Живо вставай, госпожа ждёт! — рявкнула она.

Да, что здесь творится?! Какая еще госпожа?

Нет, все слишком странно, поэтому с этой женщиной лучше не спорить. Если я сошла с ума, то она и подавно. А с психами лучше во всем соглашаться.

Сглотнув, я поднялась.

— Совсем обнаглела! Заставляет госпожу ждать и даже не поторопиться! — проворчала незнакомка и, развернувшись, торопливо засеменила по коридору.

Я вышла следом, ощущая в животе тугой узел паники. С каждой минутой происходящее пробивало дно безумия дальше и дальше.

Коридор покачивался под ногами, доски жалобно поскрипывали, сквозь щели тянуло сыростью и солёным ветром, пахло морем и гнилью. Где-то внизу глухо гудели волны.

«Какая у меня болезненно богатая фантазия» — саркастично заметила я про себя, стараясь унять страх. Но с каждым шагом сердцебиение сильнее грохотало в ушах, а от непонимания в груди разрасталась тревога.

Где-то в глубине души я уже знала – все было слишком реальным, чтобы быть плодом моего нездорового воображения.

Незнакомка остановилась перед дверью в одну из кают,

рывком распахнула её и кивком велела мне войти.

Замявшись, я помедлила пару секунд, оттягивая неизбежное, и все же перешагнула порог. Передо мной открылась богатая каюта: бархатные подушки и шёлковые покрывала громоздились в беспорядке, резные сундуки стояли раскрытыми, из них торчали ткани и кружево.

В центре, у большого треснувшего зеркала, сидела девушка — пухлая, краснолицая, с растрёпанными волосами. Она яростно дёргала гребень в спутанных прядях, шипя от боли. В каждом движении чувствовалась нервозность. Казалось, ещё миг — и бедный гребень полетит в зеркало. А может он уже и летал — иначе откуда там трещина?

— Поклонись! — зашипела на меня провожатая и добавила раболепным голосом: — Госпожа Розамунда, я привела её.

Девушка с гребнем - которая видимо и была Розамундой - метнула в меня взгляд, полный раздражения, и ткнула гребнем мне навстречу.

— Расчеши мне волосы, лентяйка! — приказала она, вскинув подбородок.

Приказ прозвучал настолько абсурдно, что я даже оглянулась, проверяя, мне ли он был адресован. Но позади никого не было.

— Куда смотришь?! — с раздражением вскричала девица. Я еле заметно прищурилась. Когда это я успела записаться в чьи-то служанки? С чего она решила, что у нее есть право

мне приказывать? Но решила не лезть в бочки и пока побыть паинькой – по крайней мере до тех пор, пока хоть немного не разберусь, что тут творилось.

Скрывая чувства, я шагнула вперёд, взяла гребень, посмотрела мельком в зеркало и... оцепенела. В отражении вместо меня была незнакомая девушка с сияющими зелёными глазами, нежными чертами лица и длинными персиковыми волосами, собранными в пышную косу.

Опа...

Сердце ухнуло, волоски на теле встали дыбом.

Какого...

Я уставилась в зеркало во все глаза.

Какого черта...

— Чего уставилась? — нетерпеливо крикнула Розамунда.

— Делай, что велено!

Я стиснула гребень в руке, чувствуя, как ногти впиваются в дерево, и, сдерживая всколыхнувшееся раздражение от наглой девицы, заставила себя подойти ближе и поднять руку к её волосам, чтобы распутать колтуны.

Разум тем временем пытался найти логическое объяснение всему происходящему. Но логических объяснений не было!

Тем временем Розамунда подозрительно затихла, и, подняв взгляд, я увидела, что она была увлечена восторженным рассматриванием портрета мужчины.

— Скоро я приеду к тебе, мой дорогой жених-инквизитор,

— прошептала Розамунда с нежностью, поглаживая рамку.
— И ты уже никуда от меня не денешься. Ты будешь мой, весь мой, слышишь, господин Альвьер?

В этой нежности было что-то странное и тревожное.

Краем глаза я посмотрела на портрет, и внутри прошёл ледяной озноб. Во взгляде "господина Альвьера" не было ни капли тепла. Он смотрел прямо, сдержанно и холодно. Чёткие скулы, прямой нос, светлые почти белые волосы и поразительные золотые глаза — красивый, несмотря на жёсткость во взгляде. У меня внутри всё сжалось: этот человек явно не выглядел счастливым.

— Марисель, подай мне шкатулку с драгоценностями!

Я встретила взгляд Розамунды в зеркале. Она недовольно свела брови.

— Тебе все по сто раз нужно повторять?!

Очень хотелось взять в горсть ее волосы и дернуть по сильнее. Но я поджала губы и, кивнув, шагнула к резному трюмо, где стояла изящная шкатулка. Я подняла ее, и как назло, именно в этот момент корабль с глухим стоном под животом сменил крен — пол ушёл из-под ног. Потеряв равновесие, я пошатнулась и не удержала шкатулку. Она с глухим звуком ударилась об пол, раскрылась, и драгоценности, пересыпаясь, посыпались на пол.

— Перстень! — Розамунда взвизгнула так, что у меня заложило уши. — Перстень моего жениха!

Одно кольцо с алым овальным камнем катилось прямо к

щели между досками. Прежде чем успела осознать, я уже кинулась за перстнем. Я не успевала, оно неминуемо должно было упасть вниз, но вдруг будто замерло на месте, позволяя его поймать. Камень сверкнул в отблеске лампы, словно ожил, и я устояла на него, словно замороженная.

— Дай! — Розамунда жадно вырвала перстень и медленно подняла его к свету. Голос её стал тягучим, почти торжественным: — Это фамильная реликвия дома Альвьер. Даже великий инквизитор не смог ничего противопоставить, когда на него стала давить церковь под влиянием батюшки. Папа всегда говорил, что деньги подкупают даже святого.

Камень в перстне, словно услышав её, поймал отблеск лампы и мягко вспыхнул — тёмно-красным, словно жар под золой. Тепло от этой вспышки странно отозвалось где-то у меня в груди, заставив кожу покрыться мурашками. Я не успела решить, показалось мне или нет, как ладонь Розамунды со свистом описала дугу и впечатывалась в мою щёку. В ушах зазвенело, по губе выступил солоноватый привкус крови.

— На меня смотри, а не на перстень!

Щека горела огнём, в ушах звенело, но я заставила себя поднять взгляд. Внутри всё кипело от унижения и ярости, но снаружи я упрямо держала спину прямо, не позволяя ей увидеть мою слабость. Однако это казалось окончательно вывело Розамунду из себя.

— Хватит! — сорвалась она, лицо её налилось красным.

— Ты специально хотела украсть моё кольцо! Все это видели!

Она закричала так громко, что дверь почти сразу распахнулась, и в каюту ворвались двое мужчин в грубых матросских куртках. Розамунда ткнула в меня пальцем:

— Уведите её! В трюм, к крысам!

Один из мужчин рывком схватил меня за руку и потащил к выходу. Я задыхалась от возмущения: я же спасла это дурацкое кольцо! В груди kloкотал протест, ярость боролась со страхом, но руки матроса сжимали меня железной хваткой. Сопротивляться было бесполезно. Я лишь чувствовала, как по щекам разливается жар унижения, пока меня волокли прочь, вниз по скрипучим ступеням — туда, где пахло плесневелым сеном и слышался визг крыс.

Один из матросов распахнул железную дверь, а второй толкнул меня внутрь. Потеряв равновесие, я упала на несвежую солому, подняла голову и встретила взгляд чужих глаз.

В этой клетке я была не одна.

В темном углу, сжавшись в комочек, сидела девушка. При тусклом свете фонаря я разглядела её круглое лицо, прикушенные от страха губы и трясущиеся ладони, осторожно лежащие на округлившемся животе.

Она была беременна.

Посреди всего происходящего вопиющего безумия в сыром трюме среди крыс, как вишенка на гребаном торте, сидела перепуганная беременная девушка!

Решётка за спиной с лязгом захлопнулась, и меня словно переклинило. Я не могла позволить этой бедняжке оставаться здесь. Не тогда, когда она вынашивала чудо.

Резко поднявшись, я вцепилась в прутья клетки и бросила вслед уходящим матросам:

— Вам ведь известно, что у женщины от страха могут начаться преждевременные роды?

Один из них хмыкнул и, обернувшись выдал:

— Ну, и че?

И то ли я окончательно сбрендила, то ли сама атмосфера трюма нашептала слова, но я неожиданно для себя выкрикнула:

— А вы знаете, что судно, на котором умрёт новорождённый младенец, навеки будет проклято?!

Слова мои ударили по ним сильнее кулака. Один из матросов побледнел и торопливо приложил два пальца сначала ко лбу, потом - к груди, другой резко сплюнул через плечо, бормоча молитву и вцепился в висящий на груди оберег. В их глазах мелькнул суеверный страх, и они, толкаясь, поспешили убраться прочь.

Я прижалась лбом к холодному железу и, прикрыв глаза, выдохнула.

Попытка исправить усугубила положение.

— Ты... ты хотела мне помочь... — услышала я испуганный шепот и обернулась.

Девушка смотрела на меня с примесью испуга и благодар-

ности.

У меня сжалось сердце, но прежде, чем я успела ответить или попытаться ее подбодрить, раздался звук торопливо приближающихся шагов, а затем железная дверь вдруг со скрипом отворилась. В проходе показался один из ушедших матросов.

— Что б вас! Ведьмы проклятые! — выругался он и обратился к моей «напарнице по камере». — Чего расселась? Выходи. Нечего нам беду накликивать!

Девушка испуганно поднялась, скользнула по мне коротким виноватым взглядом и, прижимая руки к животу, торопливо последовала за ним. Дверь за ней с грохотом захлопнулась. Я осталась сидеть в сыром мраке среди соломы и писка крыс.

И как ни странно, я была этому даже рада. У меня, наконец, появилась возможность обдумать все произошедшее без визгливых девиц и грозных служанок.

Я растерла лицо руками и протяжно выдохнула, собираясь прийти к выводу еще более сумасшедшему, чем все творящееся вокруг.

Это не похищение, не дурной сон и не галлюцинация. Я больше не в том мире, где вчера проходила мимо витрин с детскими колясками. Сколько бы разум ни твердил о безумии этой мысли, нутро знало — я здесь, на чужом корабле, в чужом теле, в чужом мире.

И... Быть может я окончательно сбрендила, но вместо

страха и тревоги, я чувствовала, как в груди, окутывая теплом и светом, рождалась робкая надежда.

Обняв согнутые колени руками, я прижалась к ним лбом и закрыла глаза. Я стану Марисель. Найду работу получше, чем прислуживание сбрендившей девице. Встречу хорошего мужчину, и вместе мы создадим счастливую семью. Все так и будет.

С этими мыслями и улыбкой на губах я и задремала, а проснулась от тихого шепота:

— Марисель! Марисель!

Я вздрогнула и подняла голову: у решётки стояла та самая беременная девушка. Теперь в ее взгляде не было страха, они светились решимостью.

Поднявшись, я приблизилась к ней, а она вдруг схватила меня за руку через прутья решетки, и меня пронзило ощущение, будто кто-то чужой проник в самое нутро, заставив мысли распасться на обрывки и шорохи. Холод пробежал по коже.

Я дернулась, невольно пытаясь вырвать пальцы из ее захвата, но она держала крепко.

— Судьба привела тебя сюда не случайно, — произнесла она, ее глаза лихорадочно блестели.

Её губы шевелились, будто в молитве. Тёплая дрожь прошла по моей коже, от запястья вверх; по руке словно потянулась тонкая светлая нить. Испугавшись, я снова попыталась вырвать руку — но не успела.

И прямо на моих глазах на внутренней стороне предплечья тонкими штрихами вспыхнул узор: веточки и волны, будто море и дерево сплелись воедино. Я вся покрылась мурашками.

— Что ты... — голос сорвался, и гул корпуса заглушил слова. — Что ты делаешь?!

— Отдаю долг, — прошептала она едва слышно. Ее глаза заблестели слезами. — Береги его.

А потом отняла руку и, развернувшись, быстро скрылась в коридоре. Только мерцающий узор на коже напоминал, что всё это было наяву. Я провела пальцами по метке. Она была немного выпуклой и шершавой.

В этом мире... была магия?

«Класс. Всегда мечтала о волшебной татуировке! Вот уж спасибо»

Сдерживаться дальше было выше моих сил, и из горла вырвался нервный смех, который с каждой секундой лишь продолжал набирать обороты. Но вскоре я затихла и, снова сев на солому, приняла прежнюю позу, надеясь проспать до утра.

К сожалению, этим надеждам было не суждено сбыться.

Судно вздрогнуло, качнулось так резко, что я едва не свалилась с койки. По корпусу прокатился гулкий удар, сверху слышались крики и топот. Ветер завыл так, будто хотел вырвать мачты с корнем, и грохот волн сотрясал стены трюма. Я вскинула голову, сердце гулко забилося в груди. И

в этот момент дверь трюма распахнулась настежь, впуская свет фонаря и чью-то яростную фигуру.

— Марисель! — голос Розамунды перекрыл треск бушующего шторма. — Мерзавка! Сейчас ты за все заплатишь!

ГЛАВА 2

Свет фонаря слепил глаза. Я пыталась отвернуться, но матросы крепко держали за руки, не давая пошевелиться. Розамунда тарасилась на меня разъяренной бестией и несла какой-то бред.

— Вертихвостка! — визжала она. — Говори! Отвечай немедленно! Как ты посмела приблизиться к моему жениху! Он мой! Ясно тебе?! Если понадобится, я руку тебе велю отсечь, но кольцо тебе не отдам!

Я молчала.

Женщину в таком припадке ярости остановить не могли никакие слова. Напротив, они лишь усугубили бы ситуацию. Хотя я была бы очень ей благодарна, если бы мне перестали светить фонарем прямо в глаза.

— Госпожа! Молю успокойтесь! Вы сорвете голос! — причитала стоящая за Розамундой горничная. — Вы же знаете, ей не жить! За воровство у своей госпожи ее все равно повесят!

Ситуация была настолько абсурдной, что из меня вырвался нервный смешок, после которого в трюме наступила поразительная тишина.

— Ты еще смеешь смеяться? — прошипела Розамунда. Ее глаза сверкнули бешенством, она замахнулась.

«Сейчас снова ударит», — успела я подумать и зажмури-

лась, готовясь к обжигающей вспышке боли, но...

Корабль внезапно вздрогнул, как живое существо, получившее смертельный удар. Стены трюма застонали, и где-то в деревянных переборках что-то треснуло — резко и зловеще. Крепко державшие меня матросы разжали пальцы и переглянулись. В их глазах мелькнуло нечто такое, отчего у меня по спине прошли мурашки.

— Рифы! — донесся с верхней палубы душераздирающий крик.

— Борт пробило... — помертвевшими губами прошептал матрос.

И в это же мгновение корабль содрогнулся снова.

Холодным, стремительным потоком вода ворвалась в трюм, поднимаясь с каждой секундой. Яркий свет фонаря погас, и лишь тусклое мерцание отблесков где-то сверху выхватывало из темноты чьи-то лица — Розамунду, застывшую с искаженным яростью и ужасом выражением, горничную, прижимавшую руки ко рту, матросов, бросившихся к люку.

— Заперто! — кто-то закричал, ударив кулаком по скобу. — Чёртов люк заклинило!

Пол под ногами накренился так резко, что я едва удержалась на ногах. Ящики и бочки полетели вниз, ударяясь друг о друга с грохотом, похожим на артиллерийскую перестрелку. Розамунда рухнула на колени, её белые руки вцепились в скользкие от воды доски, а её рот всё ещё кричал что-то, но звук тонул в оглушающем гуле разрушения.

Потолок трюма дрогнул — и вдруг, с ужасающим треском, разошёлся по швам со всех сторон. Сквозь разлом хлынула ледяная вода, ослепительно белая в темноте.

Нас смыло мгновенно.

Я не успела крикнуть, не успела вдохнуть — только успела понять, что падаю в чёрную пучину, пока море смыкается надо мной, как гигантская ладонь.

Темнота.

Тишина.

И где-то далеко-далеко, почти как эхо — последний звук тонущего корабля: низкий, протяжный стон, будто сама смерть вздохнула над нами.

— Что у нее на руке? — услышала я незнакомый властный женский голос.

— Насколько я могу судить, Ваша светлость, это наговор.

— Колдовство?! — возмутилась женщина. — Эта торговка посмела приехать к моему сыну с подобной грязью на руке?!

Извините, силы Небесные... А можно сделать так, чтобы я перестала просыпаться в рандомных местах?!

Уже наученная горьким опытом, я постаралась дышать ровно, не позволяя присутствующим в комнате понять, что уже не спала. И видимо не зря, поскольку вокруг снова творилось нечто необъяснимое.

— Это нужно убрать немедленно!

— Прошу прощения, Ваша светлость, — голос мужчины был мягким и успокаивающим. — Но подобные наговоры невозможно снять. К тому же *конкретно это* довольно безобидное.

— Вам повезло, что этого не слышит мой сын! Не зазнавайтесь, Карл! Даже долгая служба нашему роду не убережет вас от костра, если Роан решит, что вы выгораживаете ведьму! — прошипела женщина.

— Ну же, Ваша светлость. Вы ведь не дали мне закончить, — произнес Карл с мягким укором. — Наговор позволит госпоже Розамунде зачать после первой же ночи с Его святейшеством. Неужели и это не смягчит ваше сердце?

На удивление, Ее светлость и впрямь замолчала.

— Что ж, пусть так, — наконец, произнесла она. — По крайней мере торговка знает на что годится. Пусть родит мне внука, а затем я сошлю ее в монастырь.

Я всё ещё лежала, не шевелясь.

Мурашки пробежали по спине, будто кто-то медленно провёл лезвием по обнажённым нервам, оставляя за собой холодное жжение. Насколько бессердечной нужно быть, чтобы разлучить мать с ребёнком? Не просто бессердечной — бесчеловечной.

На месте Розамунды я бы...

Нет.

Я не просто вырвала бы ей глотку.

Я бы заставила её задохнуться от собственной крови, чтобы она чувствовала, как жизнь уходит из её тела. Я бы выколола ей глаза, чтобы перед смертью она видела только тьму и ужас. Я бы сломала ей руки, чтобы она поняла — никто не имеет права отнимать то, что мне дороже жизни.

Нет.

Никто не посмел бы тронуть моё дитя.

Только через мой труп.

И даже тогда — я забрала бы с собой всех, кто вознамерился ему угрожать.

Ее светлость — которая без сомнения была матерью жениха Розамунды — я уже ненавидела. Это чувство знакомо прожгло нутро, будто кто-то сорвал рубильник. Слишком уж она напоминала мне собственную свекровь.

— ... да, — продолжила Ее светлость. — Монастырь в землях за топиями вполне подойдет. Там она никак не сможет опорочить имя нашей семьи и не навредит моему внуку.

Ребенок еще даже не был зачат, а эта старая кошёлка уже говорила о нем, как о своей собственности!

— Не спешите ли вы, Ваша светлость, — осторожно заметил Карл. — Не будет ли против Его святейшество?

Почему-то этот вопрос волновал и меня. Неизвестный жених, чьего лица я даже не видела, вдруг стал мне слишком знакомым. Теперь я знала, какой он.

Мысли бешено крутились в голове, выстраивая знакомую до боли цепочку: властная свекровь, безвольный муж,

несчастливая невестка. Будто по щелчку, в памяти вспыхнули ненавистные воспоминания, как Олег в сотый раз отводил глаза, когда его мать вытирала об меня ноги. "Ты даже родить не способна" - эти слова жгли как раскаленное железо, а он... Он лишь глубже закапывался в свое кресло, делая вид, что не слышит.

Господи, да неужели в этом доме повторится та же история? Неужели этот жених, чьего лица я даже не видела, тоже предпочтет спрятаться за маменькину юбку, лишь бы не встретиться с правдой?

Но следующие слова Карла не только вырвали меня из воспоминаний, но и заставили напрячься.

— Ведь девушка гораздо красивее, чем говорили слухи. Одни ее редчайшие розовые волосы чего стоят.

Я одеревенела.

Розовые волосы.

Розовые. Волосы.

Я зажмурилась ещё сильнее, но темнота не спасала — перед внутренним взором плясали эти проклятые розовые пряди, будто выжженные на сетчатке глаза. В ушах зазвенело, заглушая внешние звуки, оставив только набат собственного сердца: это про меня! Все это время они говорили обо мне!

Нет. Не может быть!

Но разум уже ехидно шептал: «Может, куколка. Хотела семью и мужа? Получите и распишитесь!»

С губ сорвался нервный смешок. И в комнате мгновенно наступила тишина.

Похоже притворяться больше не было смысла.

С колотящимся в горле сердцем я открыла глаза и сразу наткнулась на прищуренный взгляд немолодой женщины.

Она была самым воплощением холодной власти.

Ее высокий стан был облачён в платье из тяжелого парчового бархата цвета ночного неба, расшитого серебряными нитями, будто инеем. Лицо – резкое, с орлиным профилем, было лишено косметики, если не считать легкой тени под глазами – следы бессонных ночей и бесконечных забот. Губы тонкие, сжатые в ниточку, будто намертво запечатанный свиток с тайными указами. А в глазах ни капли человечности – только расчет и презрение.

Рядом с ней стоял невысокий полноватый мужчина - Карл. Одежда на нём была дорогая, но мятая – бархатный камзол с потускневшей золотой вышивкой, будто забытый в сундуке на годы. Пуговицы на жилетке едва сходились на округлом животе. А тщательно припудренная блестела, как полированная кость.

— Рад, что вы очнулись, госпожа Розамунда, — неизменно мягким тоном произнес он. — Как вы себя чувствуете?

«Они приняли меня Розамунду. Они думают, что я – это она», — стучало набатом в голове.

Сглотнув, я крепче вцепилась в одеяло.

Но почему?!

Ее светлость скривила губы.

— Прибереги свои спектакли для подходящей публики. Нечего из себя строить растерянную беспомощность!

Да, что я ей сделала?! Злыдня.

Нужно просто открыть правду и сказать, что никто тут не собирается посягать на ее драгоценного сыночка! Но... Что-то словно останавливало меня от этого.

— Что произошло? — охрипшим голосом спросила я. — Последнее, что я помню — как корабль налетел на риф.

Карл сочувственно улыбнулся.

— Сожалею, госпожа Розамунда, у меня нет для вас ответа. Можно лишь предположить, что ваше судно потерпел крушение. Его святейшество может знать больше.

Темными пятнами перед внутренним взором появились воспоминание. Крик матросов. Ледяная вода, утягивающая в свои глубины.

Я вздрогнула.

— Как же... как же тогда спаслась я?

Карл и Ее светлость замерли в молчаливом диалоге — их взгляды скрестились, прежде чем она резким движением отмахнулась от его немого вопроса.

— Кольцо, — произнесла Ее светлость с шипящей досадой, будто само слово обжигало язык. — Тебя спасло кольцо нашего рода. Ума не приложу, почему оно решило осквернить себя такой, как ты.

Я не дрогнула — оскорбление проскользнуло мимо, слов-

но скользкая рыба, но пальцы непроизвольно сжались в кулак. Почему-то я уже знала, что увижу, прежде чем опустила взгляд.

Кольцо.

То самое. Знакомое до боли.

Его золотая оправка с виноградной лозой, вплетенной в гербовые львы, сверкало на моем пальце так, словно смеялось надо мной, подмигивая гранатовым глазом.

И вдруг все встало на свои места.

Вот почему Розамунда спустилась за мной в трюм! Кольцо уже тогда оказалось на моем пальце. Но как?..

Целостная картина происходящего обрушилась мне на плечи, и я вдруг осознала, что не имела ни малейшего понятия, что делать. Стоило ли мне сказать правду? Но как я объясню кольцо на пальце? Кто поверит, если я скажу, что оно само?

«Вы же знаете, ей не жить! За воровство у своей госпожи ее все равно повесят!» — услужливо вспыхнули в памяти слова служанки Розамунды.

И в этот же миг я решила – нет, ни за что. Я не обреку себя на казнь добровольно. Подыграю, а как появится возможность – сбегу. Только вот... Что если жених уже видел невесту?

— Где... — я судорожно закопалась в недрах сознания, пытаюсь отыскать там имя «суженого». — Где господин Альвер?

Ее Светлость замерла на мгновение, будто не веря своим ушам, а затем затряслась, как осиновый лист на ветру. Но не от страха — от бешенства.

— Его святейшество! — прошипела она, и каждый звук в этом слове обжигал, как раскаленная игла. — Для тебя он — Его святейшество, невежественная ты тварь!

Я не отвела взгляда, но пальцы впились в край простыни, пока Карл, поспешно вмешавшись, не ответил:

— Он в отъезде, госпожа Розамунда. Ждем его возвращения со дня на день. — Его губы дрогнули в улыбке. — Его Святейшество хотел лично встретить вас в порту. Никто не предполагал... такого стечения обстоятельств.

Я прикусила губу, чтобы не выдать охвативших меня страха и волнения, и медленно ответила улыбкой:

— Благодарю, господин...

— Брамс, — он покраснел, будто юноша, признающийся в первой любви. — Карл Брамс, к вашим услугам. Я семейный лекарь рода Альвьер.

— Приятно познакомиться, пусть и при таких обстоятельствах. — Я намеренно сделала голос мягче, слабее, играя роль испуганной невинности. — Скажите, вы уже осматривали меня? Могу ли я вставать? И... — замялась, ощущая на себе немигающий, змеиный взгляд Ее Светлости. — Я бы хотела принять ванну.

Карл открыл рот, но Ее Светлость взмахом руки, резким, как удар кнута, остановила его:

— Оставь нас.

Едва дверь затворилась за лекарем, как она ринулась ко мне, впиваясь в меня взглядом, будто пытаясь пронзить насквозь.

— Не знаю, что ты задумала, мразь, — зашипела она. — Но у тебя ничего не выйдет. Ты и так схватила кусок, который не сможешь проглотить. Я не позволю тебе разрушить жизнь моего сына. И буду следить за тобой до самой свадьбы. И после.

Резко развернулась, не оставив мне ни шанса ответить.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, оставив меня наедине с одной-единственной мыслью: «Кажется, мне крышка».

ГЛАВА 3

Три дня спустя...

— Давай же! — сквозь зубы процедила я, изо всех сил дёргая кольцо.

Казалось, палец вот-вот сломается, но треклятый ободок даже не пошевелился.

Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. План, который казался безумным, сработал! Сработал!

Я не могла позволить жениху Розамунды и ее несостоявшейся свекрови отправить меня на виселицу, если обман вскрыется. Это перерождение было для меня даром небес. И я намерена воспользоваться этим подарком на максимум. А значит, все что мне оставалось – бежать. Но придумать, как это сделать, оказалось не так просто, ведь Ее светлость поставила ко мне стражу, которая ходила за мной попятам.

Пришлось повозиться, но все было не зря.

Не зря я проводила по несколько часов в библиотеке замка, не зря на прогулках под надзором стражей рвала сон-траву, и не зря глупо хлопала глазами перед своими надзирателями, впихивая им глиняные кружки с сонным отваром.

У меня был всего один шанс. Ужа завтра приедет Роан Альвьер – об этом трещали все служанки. Эта ночь – мой последний шанс, но чёртов перстень словно прирос к пальцу!

В отчаянии я сорвала лоскут с простыни и наспех обмотала руку. Отправляться в путь с фамильной реликвией Альвьеров – всё равно что нацепить на шею табличку «Желающим нажиться, сюда».

Из-за двери послышался смачный храп. Надзирателей вырубил сонным отваром наповал, но времени у меня было с дырявый наперсток. Скоро должна быть пересменка, а значит, мне нужно успеть сбежать до ее начала.

Я завязала тесемки теплого плаща, выскользнула в коридор и осторожно перешагнула через дрыхнувших на полу стражей.

«Только бы успеть. Только бы успеть», — повторяла я мысленно как молитву, торопливо идя по темному коридору к лестнице.

До нее оставалось совсем ничего, когда коридор наполнился звуком тяжелых шагов.

Смена караула, будь она неладна!

Задохнувшись от страха и волнения, я метнулась в нишу, вжавшись в холодные камни лицом.

«Молю, пожалуйста...»

За стуком собственного сердца я едва смогла различить, что опасность миновала и стража прошла мимо. Выждав немного для верности, я побежала к лестнице, придерживаясь темной стены, но было поздно.

— Госпожа Розамунда сбежала! — разнесся мужской крик на весь коридор.

Пропади оно все пропадом!

Подхватив юбки, я помчалась, перепрыгивая через ступени. Казалось, что меня вот-вот нагонят, что стража уже дышит мне в затылок, и потому я бежала быстрее, несмотря на сбившееся дыхание и горящие мышцы. Кухня, чёрный ход, тропинка к конюшням – всё слилось в один сплошной кошмар.

Я распахнула ворота конюшни и вдруг налетела на какого-то мужчину.

— Сюда! — донеслось позади.

Адреналин ударил в голову, и, едва понимая, что делала, я толкнула незнакомца внутрь, а затем, схватив за руку, потянула за собой в пустое стойло.

Стража была совсем близко. Крики усилились, и через пару мгновений ворота конюшни скрипнули, впуская новых гостей.

Мне казалось, что я сейчас поседею от страха.

Зажмурившись, я вжалась лбом в чью-то теплую грудь.

— Что вы делаете? — услышала я тихий голос над ухом, кожу обожгло чужим дыханием.

— Молю, тише, — выдохнула я.

Если он сейчас крикнет стражу – мне точно конец. Меня посадят под замок до самого приезда жениха, а дальше... Свадьба, ребенок, монастырь, или свадьба и виселица. Я даже не знала, что было бы хуже.

Ни за что.

Ничему из этого не бывать.

Стража медленно продвигалась между стойлами, их фонари бросали на стены пугающие тени. Я вжалась в незнакомца так сильно, что ощущала каждый его вдох. Чужое сердце билось ровно — словно для него это совершенно обычное дело, оказаться зажатым в конюшне беглянкой.

А потом я почувствовала запах.

Ладан.

Иней.

Заброшенная часовня в зимнем лесу.

Я невольно вдохнула глубже, будто пытаюсь разгадать его секрет, и по спине пробежали мурашки — не от страха, а от чего-то другого.

— Видимо ушла, — донеслось до меня. — Спустимся к реке.

Шаги затихли, но я не убегала.

Что-то удерживало меня здесь — не сила, а странное, почти колдовское спокойствие, будто тело незнакомца стало якорем в этом хаосе. Впервые за долгие дни мне было *так приятно*.

Его тепло, его запах — ладан и мороз, древние камни и что-то неуловимо опасное — казалось, окутывали меня плотнее любого плаща.

«Жаль, что не он жених Розалин...» — мысль проскользнула сама собой, неприлично откровенная, но в этот миг я не могла соврать себе.

— Кто ты такая?

Низкий, бархатный баритон с легкой хрипотцой. Я никогда не думала, что голос мог звучать так приятно.

И я, окончательно растерявшись, судорожно принялся перебирать варианты: «Я служанка. Я потерялась. Я...»

Но зачем врать? Кто он такой, чтобы требовать ответа? Хозяин замка? Стражник? Сомневаюсь.

Я втянула воздух, вновь уловив его запах.

Ладан. Мороз. Что-то древнее. Нечеловеческое.

— Неважно, кто я такая.

Что со мной? Почему я стою, позволяя этому незнакомцу разглядывать меня, будто я вещь на торгах? Лунный свет падал только на меня, выхватывая из темноты мой силуэт, в то время как он оставался скрытым в тени стойла.

— Воровка?

— Я не воровала! — мой шёпот прозвучал резче, чем нужно.

— А кто ты тогда?

— Кто *вы* такой, чтобы требовать ответа?

Он усмехнулся — я не услышала, а почувствовала это. Тёплый выдох скользнул по моей шее, заставив кожу покрыться мурашками.

— Что у тебя в руке?

— Поранилась, — буркнула я. — Мне пора...

— Стой.

Одно слово. Но тело подчинилось само, будто на него на-

бросили невидимые путы.

— Руку.

Это была не просьба, а приказ.

— Нет, — прошептала я.

Я дернулась — тело наконец-то послушалось. Но слишком поздно. Его пальцы скользнули под повязку, коснулись кольца — и по всему телу прошла безумно приятная теплая волна.

Мы замерли. Будто оба почувствовали одно и то же и одинаково не были к этому готовы. Но спустя мгновение нежное, почти интимное прикосновение к коже сменилось стальным захватом.

— Интересно.

Он ещё сильнее сжал моё запястье, выворачивая руку так, что кости хрустнули — и поволок прочь из конюшни.

— Нет! — вскрикнула я, задыхаясь от ужаса. — Там стража!

Где-то внутри ещё тлела крошечная надежда, что он отпустит, что это просто кошмар — но тут он шагнул в полосу лунного света — и мир рухнул.

Святые небеса.

Я узнала это лицо.

Резкое. Холодное. Словно высеченное из мрамора.

Я уже видела его — на портрете в руках у Розамунды.

Проклятье.

Проклятье!

Как среди всех людей я наткнулась именно на него?!

Вдруг из темноты высыпали стражи - те самые, что гнались за мной. Они остановились в двух шагах, запыхавшиеся, с растерянными лицами. Рубахи прилипли к спинам от пота, кожаные пояса с ключами позвякивали на бегу.

— Дер... держи ее! — хрипло выкрикнул один, но тут же замер, увидев, кто держит меня за руку.

Они застыли на месте, как вкопанные, глаза расширились от ужаса.

— В-ваше святейшество! — прошептал старший из них, машинально выпрямляясь по стойке «смирно».

Я зажмурилась, чувствуя, как мир плывет перед глазами. Как?! Как из всех людей я наткнулась именно на Роана Альвёра?!

Он не сводил с меня глаз, а его пальцы впились в руку так, будто хотели выжечь на ней клеймо.

— Ведите её в мои покои, — произнёс он, и каждое слово было приговором. — Сегодня она ночует у меня.

Я не знала, что и думать, пока стражники вели меня на третий этаж. Что теперь будет? Видел ли Роан свою невесту раньше? Понял ли, что я просто самозванка? Почему он велел отвести меня в его покои? Что это вообще все значило?

Каждый шаг по лестнице будто подбрасывал новые вопросы, а вместе с ними — внутреннюю дрожь, которая начинала

разъедают нервы. И когда передо мной распахнули дверь в его спальню, я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Войдя, я дернула тесемки плаща, словно они жгли кожу, и скинула его на сундук. Движения были резкими, нервными, будто я пыталась сбросить с себя не только одежду, но и этот кошмар.

Сердце колотилось так, что казалось — вот-вот разорвет грудь. Мне было жарко, как будто кто-то залил в жилы расплавленный металл. Я прижала руки к горящим щекам. В ушах стучал пульс.

Когда теперь у меня появится возможность сбежать?! Появится ли? Что теперь со мной будет?

Я моргнула, ощущая, как предательская влага скапливается в уголках глаз. Я стиснула зубы, впилась ногтями в ладони — но ком в горле не исчезал, а лишь рос, давя на грудь, мешая дышать. Я пыталась успокоиться — глубокий вдох, медленный выдох — но лавина чувств, которую я так тщательно сдерживала все эти дни, уже содрогалась у меня внутри, готовая погрести под собой всю мою выдержку, всю мою силу.

И когда первые слезы прорвались — горячие, неудержимые, — когда они покатались по щекам, оставляя после себя жгучие дорожки, дверь распахнулась — без стука, без предупреждения. Воздух дрогнул, будто сам замок затаил дыхание.

И в комнату вошел он.

Роан Альвьер.

Всё во мне будто разом оборвалось. Я не ожидала его так скоро. Сердце гулко забилося в самом горле, ладони сжали плотную ткань юбки. Я сжалась, будучи пойманной в момент, когда была слишком уязвима, взглянула на него и застыла, пойманная в ловушку золотых глаз. По запястью прошёл тихий жар.

Роан прошёл мимо меня — неторопливо, будто не замечая того, что каждый его шаг заставляет воздух вибрировать. Он остановился у камина, стянул перчатки, бросил их на стол и взял кувшин. Темно-бордовое вино полилось в глиняную чашу. И этот густой, бархатный звук почему-то пробил во мне новую трещину.

Каждое движение Его святейшества было выверенным и спокойным — и в этом спокойствии было больше власти, чем в любой угрозе. Завораживающей. Пленительной власти. Не в силах оторваться, я следила за тем, как он делал глоток, как дернулся кадык на его горле.

Еще недавно я плакала, а теперь не помнила отчего. Вместо страха внутри распустилось что-то опасное — как притяжение пропасти. Он поднял глаза — и я перестала дышать.

Я вдруг поняла: я не хочу сбежать. Я хочу остаться. Я хочу его. Настолько, что внутри разливая глубокая ноющая нужда.

С трудом сглотнув, я сделала шаг к Роану. Он прищурился, наблюдая за мной. Рука с кубком застыла.

А я, будто в бреду, думала только о том, как его длинные

пальцы обнимают глиняную чашу кубка, или о том, как поджимаются его красивые губы. Мне так хотелось провести по ним пальцем, выцеловать их контур, что это почти лишало меня рассудка.

Каждый миллиметр расстояния между нами ощущался преступно огромным. Я не могла этого выносить.

Шаг, еще шаг, и наконец я могла до него дотянуться.

Безумие.

Кончики пальцев зудели от *потребности* коснуться его.

Взгляд Роана потемнел от гнева, раздражения, или... Чего-то более... Сладкого.

Я перехватила у него кубок, коснувшись его пальцев, и по телу прошла волна жара, усиливая тянущий узел внизу живота. С губ сорвался шумный выдох. И Роан стиснул губы. Кадык на его горле дернулся.

Поднеся кубок ко рту, я облизнулась и сделала большой глоток.

О, Небеса... Вино полилось в горло, как раскаленное наслаждение. Я застонала, слизывая последнюю каплю с губ.

И тогда...

Мир перевернулся.

Кубок полетел в сторону, звякнув о камень, а я оказалась прижатой к твердой груди.

— Проклятье...

Его голос был хриплым, сорванным, будто он прошел через ад.

И я поняла: мы оба падаем.

Его ледяной контроль. Мой страх. Грань между тем, кто я есть... И кто должна была быть. Его губы нашли мои — грубые, нетерпеливые, горькие от вина, но сквозь эту горечь проступало что-то еще — вкус ладана, священный и порочный одновременно.

Его пальцы впились в мои волосы не для ласки — а чтобы удержаться, как цепляющийся за выступ путник перед падением в бездну. И когда он застонал мне в рот, я поняла: этот звук был не от желания... а от ярости. Ярости на себя за то, что поддался.

Но это поражение было пьянящим и сводящим с ума нас обоих.

Каждое прикосновение оставляло на коже невидимые метки - то ли следы от пальцев, то ли шрамы, которые останутся навсегда. Но сопротивляться было нечему - я уже растворилась.

Исчезла.

Стала только его губами на своих губах, его стоном в своей груди, его дыханием в своих лёгких.

Мы не танцевали - мы падали.

Бездонно.

Безвозвратно.

Переpletённые тела, слившиеся в отчаянном противостоянии - он пытался сломать меня, я пыталась спастись, и в этой борьбе мы оба теряли последние остатки контроля.

Пока весь мир не рухнул с обрыва вместе с нами.

ГЛАВА 4

За окном клубился туман, серый и безликий, словно пелена, отделяющая меня от вчерашней ночи — той ночи, что теперь казалась одновременно слишком реальной и невозможной.

Воспоминания вспыхивали обрывками: его руки, его зубы на моей шее, его голос, хриплый от ярости и желания. Мои ногти, впившиеся в его спину. Наши переплетенные тела, слившиеся в одном порыве, где уже не было ни победителя, ни побежденного — только двое людей, потерявших последние границы.

Мои пальцы дрожали, когда я прикоснулась к животу, но не от страха — от трепета. Внутри меня билось крошечное сердце. Чудо, о котором я молилась все эти годы. Подарок ведьмы из трюма, который она передала мне наговором.

Я закрыла глаза, представляя крошечные пальчики, пухлые щечки, первый смех. Мой ребенок. Наконец-то... Но радость тут же сменилась ледяным ужасом. В этом замке никто не оставит мне дитя. Его дитя. Наследника Альвьеров. Моего ребенка.

Я сжала кулаки, чувствуя, как мурашки бегут по спине. Нет. Нет, нет, нет. Я не отдам его. Не позволю им запереть меня в монастыре. Не позволю решать, когда мне видеть своего ребенка, когда держать его на руках, когда...

Беги.

Слово эхом отозвалось в голове, четкое, как колокольный звон.

Я должна была исчезнуть. Сейчас же. Пока он спит. Пока стража не опомнилась. Пока они не догадались, что я уже ношу в себе их драгоценное сокровище.

Руки дрожали, пока я натягивала платье. Пальцы путались в шнуровке, но я не могла позволить себе замедлиться. Каждый вздох, каждый шорох за спиной заставлял сердце бешено колотиться.

Я до ужаса боялась, что еще мгновение — и его веки дрогнут. Еще миг — и золотистые глаза откроются. И тогда... Тогда мне будет уже не сбежать.

Я дернула последнюю тесьму так резко, что кожа на пальцах зажглась. Закончив, я обернулась, со страхом проверяя, не проснулся ли он. Но... Стоило мне увидеть его, как ноги словно приросли к полу.

Его дыхание было ровным, губы чуть приоткрыты — такими, какими они были в тот миг перед поцелуем, когда мир сузился до точки. И эта мысль — что я больше никогда не увижу его таким — неожиданно резанула прямо по сердцу.

«Зачем ты медлишь? — яростно прошептал внутренний голос. — Беги!»

Но ноги не слушались. Сердце сжалось — не просто болью, а чем-то худшим.

Сожалением.

Я не хочу уходить. Не хочу оставлять тепло его постели. Не хочу терять его запах, его дыхание, его...

— Глупая, — прошептала я, кусая губу до крови. — Глупая, глупая, глупая!

Но пальцы все равно потянулись к нему. К его лицу. К его губам. К последнему шансу...

Которого не было.

Нельзя.

Нельзя позволить этому... этому безумию затянуть меня глубже.

Почти в отчаянии я подхватила с пола его плащ. Тяжелая шерсть пахла им — ладан, мороз, что-то неуловимо его. Я закуталась в ткань, как в последнее утешение, и сделала шаг к двери.

Всего один шаг.

Всего один.

И я его сделала. Потому что если бы осталась — то потеряла бы все. А я не могла себе этого позволить. Не когда наконец-то обрела то, о чем так долго мечтала.

К счастью, все, наконец, складывалось удачно. Стража спала, не ожидая опасности в предрассветные часы, коридор был чист. Без всяких препятствий я покинула замок.

Вчера вечером я хотела взять лошадь, но теперь о ней не могло идти и речи. Я слишком боялась потерять свое маленькое сокровище. Надежда была лишь на то, что Роан не сразу проснется, не сразу отправит людей на мои поиски, а может

и не отправит вовсе...

Только почему-то последняя мысль причинила боль.

Зажмурившись, я тряхнула головой.

Забудь. Просто забудь. Представь, что между вами ничего не было.

Когда первые лучи рассвета коснулись неба, я уже была в порту. К счастью, в кармане плаща Роана я нашла целый кошель золотых монет. Эти деньги позволят мне убраться отсюда так далеко, как я захочу.

Я уже договорилась с капитаном, но, когда я уже готова была подняться по трапу, мое внимание привлекла сгорбленная старуха, вышедшая из лавки с перекошенной табличкой: «Травяные настойки». Она подняла с пола какой-то горшок, сунула его подмышку и снова исчезла за дверью.

Травы...

Не успев до конца осмыслить пришедшую в голову идею, я уже шла к старой двери.

Внутри было темно и пыльно. В воздухе летали перемешанные ароматы сушеного дурмана, корня мандрагоры и чего-то еще, что щекотало горло, словно пепел.

Та самая старуха стояла за прилавком – кожа, как пергамент, натянутый на кости, глаза – две щелочки во тьме.

— Чего тебе? — голос у нее был хриплый, будто перетертый в ступке вместе с травами.

Я пониже натянула капюшон плаща.

— Настой. Для того, чтобы изменить цвет волос.

Она прищурилась, разглядывая меня, будто зная все мои секреты. Кажется, от ее взгляда не укрылось ничего – ни мужской плащ, ни дорогая ткань платья, ни перстень на пальце, который я в спешке забыла спрятать.

— Надолго?

— Навсегда.

Если меня все же будут искать, мои розовые волосы станут большой проблемой.

Губы старухи растянулись в беззубой усмешке.

— Значит, бежишь. Не одна такая.

Она шаркала к полкам, перебирая склянки с мутными жидкостями, пока не достала одну – узкогорлую, черную, как деготь.

— На вот – выпьешь, и обратной дороги не будет. Цвет не вернется.

Я протянула было руку, но в последний момент осеклась.

Это какое-то зелье? Не было ли оно вредно ребенку?

Хозяйка лавки усмехнулась, будто читала мысли и снова зашарила на полке.

— Тогда – вот, — она протянула мне другую баночку. — Добавишь в воду, сполоснешь волосы – и будет тебе новый цвет волос.

Я кивнула.

Это было не так удобно, как избавиться от розовых волос навсегда, но ничего сомнительно, пока беременна, я пить не

собиралась.

— Сколько?

Старуха пожала плечами:

— Для тебя, девочка, три золотых. Это цена за зелье и молчание.

Я положила монеты на прилавок, и хозяйка лавки сунула склянку мне в руки. Ее пальцы были холодными, как могильный камень.

— Ты носишь сильное дитя. В нем сила двух душ. Не переживай о нем понапрасну.

Вздвогнув, я поспешно отдернула руки и кивнула.

К наличию магии и ведьм мне определенно придется еще привыкнуть.

Сжимая баночку в руках, я поспешила к кораблю и поднялась на борт. Я не знала, насколько велико будет желание инквизитора вернуть меня, а потому хотела перестраховаться, на этом корабле я собиралась добраться лишь до следующего порта, а там – сменить корабль на другой. И так сделать несколько пересадок.

Лишь тогда я буду спокойна.

Вскоре послышалась команда капитана:

— Отплываем! Поднять паруса!

Корабль дрогнул, словно живой, и я вдохнула полной грудью — воздух пах солью, смолой и свободой.

Замок Альвьеров таял на горизонте, как мираж, как сон, который я уже начинала забывать.

Больше мне не нужно было притворяться Розамундой, невестой инквизитора.

Теперь я Марисель Брамс — спасибо Карлу за фамилию. Теперь я вдова, потерявшая мужа в кораблекрушении. И за следующие несколько месяцев мне нужно обустроить свою жизнь, так чтобы я смогла родить и воспитать малыша. И я знала, что у меня получится. Ради ребенка я буду грызть землю зубами, но добьюсь того, чтобы у него было счастливое детство.

— Я стану тебе хорошей мамой, — прошептала я, касаясь живота и сглатывая ком в горле. — Спасибо тебе за него, Роан. Спасибо. И прощай.

ГЛАВА 5

Две недели спустя...

Роан Альвьер

— Пустите! — завизжала ведьма, ее голос, как ржавый гвоздь, вонзился в воздух. — Чтоб вам всем гнить заживо! Чтоб черви выели ваши глаза! Чтоб ваши дети рождались мертвыми!

Рыцари Святого Клинка вцепились в нее, но она выгибалась, словно змея под пятой, лягаясь и плевая проклятиями, что падали на землю, как горящие угли.

Крестьяне отшатывались, крестясь дрожащими руками, зажимая детей, которые таращились на ведьму, как на диковинного зверя.

— Колдунья! — орал кто-то из толпы. — Сожгите ее!

— Пусть ее тело треснет, как сухое полено!

А она верещала, как безумная, и каждый ее крик оставлял на лицах людей след ужаса, будто они видели не женщину, а саму смерть, пришедшую за ними.

Роан наблюдал за тщетными попытками ведьмы вырваться с холодным безразличием, будто созерцал борьбу насекомых в банке. Его пальцы чуть дрогнули — и рыцари у клетки распахнули решетку с лязгом, от которого содрогнулся воз-

дух.

Увидев черную повозку с железными шипами, ведьма взвыла, как затравленный зверь, но вдруг — оборвала крик на полуслове. Ее глаза, черные, как смоль, впились в Роана, а из горла вырвался хохот — сухой, трескучий, будто ломаются кости.

— Ищи! — прошипела она, и слюна черной струйкой стекала по подбородку. — Ищи ее, святой палач! Копайся в пепле, рыскай по лесам! Ты все равно не найдешь! Она уже далеко!

По толпе прокатилась волна шепотков. Даже воздух, пропитанный запахом страха и пота, словно загустел, став тяжёлым, как свинец. Ветер затаил дыхание. И тогда Роан поднял руку.

Один жест, и ведьму швырнули на землю, как мешок с костями.

— Ваше святейшество! — рыцарь ворвался вперед, доспехи звеня, как испуганный колокольчик. — Вы сами учили нас не слушать их! Они лгут даже когда дышат!

Ведьма замерла, съёжилась, как паук под ботинком, но через мгновение её глаза вспыхнули лихорадочным огнём.

— Как прекрасно было бы твоё дитя! — она зашептала сладко, как мед, смешанный с ядом. — Как чертовски прекрасно! Но оно родится мёртвым! Холодным! Синим!

И плюнула.

Чёрная, густая слюна, похожая на дёготь, медленно по-

ползла по его скуле след.

Роан не дрогнул.

Не моргнул.

Даже дыхание его не изменилось.

Закованные в сталь рыцари застыли, как статуи. Даже их тени, казалось, перестали шевелиться

Один миг — и золотой клинок, холодный, как его взгляд, вонзился в живот ведьмы. Лезвие вошло беззвучно, будто резало не плоть, а густой, чёрный дым.

Колдунья взвыла — нечеловеческий вопль, от которого задрожали стёкла в окнах ближайших домов.

— А-а-а-а! Ты не смеешь! — её голос звенел, как лопнувшая струна. — Ты не смеешь нас убивать! Тебе не позволено!

Но Роан уже вытаскивал клинок. Медленно. Будто извлекал его из воды, а не из тела. Темно-бордовая кровь стекала по лезвию, густая, почти чёрная на фоне позолоты.

Он вытер меч безупречно белым платком, не глядя на конвульсии ведьмы у своих ног. Его лицо оставалось каменным.

И лишь близкие к нему рыцари заметили, что пальцы Роана, стиснувшие рукоять, побелели, а сухожилия на запястьях налились синевой, будто он удерживал не клинок, а собственную ярость.

Ведьма билась в последних конвульсиях. Золотой свет распространялся по телу, выжигая всю грязь и черноту, очищая, давая даже ее проклятой душе шанс на перерождение,

если она согласится его принять.

— Возвращаемся, — скомандовал Роан, возвращая клинок в ножны.

— Ваше святейшество!

Из толпы вывалился староста, пухлый, как бочонок с квасом, лицо его побагровело, а маленькие глазки бегали, как испуганные мыши.

— Вы не можете уехать! Его высокопреосвященство обещал нам пятьдесят золотых за ведьму! Пятьдесят! Целое состояние!

Роан обернулся — медленно, как хищник перед прыжком.

— Вы указываете мне?

Староста задрожал.

— Н-нет... н-но... — он захлебнулся собственным страхом, глядя, как пальцы Роана снова сжимаются на рукояти клинка. — К-как же мы п-получим наши деньги, если вы ее, извольте заметить, у-у-убили!

Рыцари замерли, обмениваясь напряженными взглядами. Последние две недели Его святейшество из-за побега суженой и без того напоминал дикого зверя — каждый неверный вздох мог спровоцировать взрыв ярости. А теперь... Теперь они стояли перед настоящей бочкой с порохом, к которой староста, глупец, сам поднес факел.

Члены ордена Святого Клинка, привыкшие к любым ужасам, впервые за долгие годы ощутили ледяной страх. Они видели, как побелели пальцы Роана на рукояти меча. Чув-

ствовали, как воздух вокруг него сгущается, словно перед грозой. И понимали — одно неверное слово, и эта деревня станет еще одним выжженным пятном на карте королевства.

Они знали своего командира. Знали, что сегодня он уже убил ведьму, чем нарушил прямой приказ Его высокопреосвященства. И что сейчас, в этом проклятом месте, Роан Альвьер запросто может решить, что одного трупа недостаточно.

— Пятьдесят золотых? — Роан холодно улыбнулся. — Хорошо.

Он кивнул одному из рыцарей — едва заметное движение подбородка, но рыцарь понял его мгновенно — шагнул вперед, с грохотом вытряхнул кошель, и звон золота разнесся по площади.

— Вот ваше золото.

Староста ухватил монеты с жадностью крысы, нашедшей зерно, прижал к потной жилетке, зажмурился от восторга.

— Слава о вашей щедрости, ваше святейшество, даже близко не...

Роан уже повернулся, даже не удостоив его взгляда. Шагнул к коню, и каждый его шаг отдавался в ушах рыцарей, как удар топора по плахе. Они ринулись следом, как опасающиеся щелчка кнута рабы.

Но старый болван не унимался:

— А кстати, ваше святейшество! Видел я наемни одну...

Роан замер, не поворачиваясь.

— Женщину. Одна была. Неделью назад. Красотка, скажу я вам! Розовые волосы, будто...

Воздух на площади сгустился, словно перед ударом молнии.

Рыцари отпрянули, инстинктивно схватившись за оружие. Даже кони Роана заржали, почуяв неладное.

А староста, тупой, как пень, продолжал:

— Может, ваша? Она говорила, что муж погиб...

— Где?

Староста отпрянул, прижав кошель к груди, словно щит. Его толстые пальцы дрожали, оставляя мокрые следы на золоте.

— В таверне «Три аиста»... она ночевала... — голос его предательски дрожал, как струна перед разрывом. — Уехала наутро... на север... Если ваша, то жаль, что сбежала. Уж больно красивая девка! Я хотел к ней сам наведаться, но...

Он выпалил последние слова — и тут же понял, что совершил роковую ошибку.

Воздух застыл. Даже вороны на крышах замолчали, будто по команде.

Роан повернулся. Душераздирающе медленно.

— Ты... — его голос был мягким, как шелк удавки на горле висельника, — хотел к ней... наведаться?

Староста почувствовал, как по спине пробежал липкий холод. Он увидел, как бледнеют лица рыцарей. Услышал, как где-то далеко сорвалась с цепи собака, и вспомнил вдруг ис-

торию о Роане Альвьере, которую рассказывали в корчме не раньше, чем после третьей кружки эля... О том, как он вошел в деревню у Черных болот. А наутро... деревни больше не существовало. На ее месте осталось лишь пустое место, где ветер гулял меж камней, будто и не было там никогда домов, людей, собак...

И вот теперь Роан смотрел на него.

Староства понял — он только что подписал себе смертный приговор. Но Роан... Роан улыбнулся, и это было страшнее любой угрозы.

— Хорошо.

Один шаг. Два.

Староста отпрянул, спина его ударилась о стену. Он хотел закричать, но язык прилип к нёбу.

Инквизитор наклонился к нему, тихо проговорил:

— Успокойся. Я не убью тебя.

А потом добавил:

— Не прямо сейчас. Потому что ты умрешь... Но не от моей руки.

Он отошел, давая знак рыцарям. Те бросились к коням, как спасающиеся от чумы. А староста остался стоять, не понимая, жив он или уже нет. Потому что хуже смерти... Было ждать ее. Каждый день. Каждую ночь. Зная, что она придет, но не зная — когда.

Роан мчал во весь опор в направлении севера. Его руки

сжали поводья так, что кожа побелела — но остановиться он уже не мог. Приказ Его святейшества был предельно ясен. Инквизитору следовало следовать на запад, продолжая пленять ведьм, чтобы потом доставить их в лоно Церкви.

Но...

Это «но» впилось ему в горло, как клык разъяренного зверя. Когда оно появилось?

Тогда, когда прекрасная, как нимфа из древних легенд незнакомка, врезалась в него — теплая, дрожащая, пахнущая терпким дымом и шелковицей? Или, когда он, всегда державший желания на цепи, впервые ощутил, что жажда разъедает его изнутри, как ржавчина сталь?

Тогда, когда понял, что эта нимфа была его невестой, которую он заочно мечтал задушить? Или, когда желание уничтожить ей вдруг смешалось с желанием обладать?

Тогда, когда, дыша самым искушением, она принялась испытывать его и без того теперь хлипкую выдержку на прочность? Или, когда, проснувшись на рассвете, он обнаружил, что она сбежала, нося под сердцем его дитя?

Роан не знал. Не знал, когда все пошло наперекосяк. Не знал, почему это «но» теперь вело его не на запад, а на север. Не знал, что будет, когда он найдет ее.

Он ненавидел этот запах — дым и шелковицу. Ненавидел, потому что он оставался в его памяти, как ожог. И теперь, когда он мчался на север, этот запах снова был с ним — будто она все еще рядом.

ГЛАВА 6

Три недели спустя...

Я откинула капюшон и опустилась за самый темный угол обеденного стола.

— Эй, красавица! — проворная девчонка-служанка шлепнула передо мной глиняную кружку с медовухой, от которой в нос ударил терпкий запах, и миску с дымящейся кашей, политой салом.

— Комнату приготовить?

Я кивнула, не поднимая глаз, и потянулась, чувствуя, как ноют мышцы после месяца в седле и на палубе.

Путь занял больше времени, чем я рассчитывала. Но теперь я была уверена — меня не найдут.

Я сделала все правильно: две недели на восток, не меняя цвета волос, распуская слухи о своем маршруте. Потом — на корабль, уходящий на юг, уже с каштановыми прядями. Этого должно было хватить, чтобы сбить погоню со следа.

Отхлебнув сладкой медовухи, я пододвинула к себе деревянную миску с едой, ощущая, как бурчит желудок. К счастью, мой малыш рос хорошо и не доставлял мамочке никаких проблем. Ни слабости, ни тяжести, ни токсикоза — ничего из этого не было.

Мое маленькое сокровище вело себя так, будто понимало

— маме и без того непросто.

Я прикоснулась к животу, к этой еще невидимой горошинке, и сердце сжалось от любви, такой огромной, что, казалось, она не помещалась в груди.

— Чувствуешь? — прошептала я, закрывая глаза. — Чувствуешь, как я тебя люблю?

И в тот же миг кольцо на пальце дрогнуло, будто отозвалось на мой голос, а потом стало ледяным. И против моей воли перед внутренним взором встал он — весь, как есть: ледяные пальцы, оставляющие на коже ожоги, губы, холодные как декабрьский ветер, но разливающие по жилам пьянящее тепло. Его взгляд, в котором было все — ярость, обжигающая сильнее его клинка, томление, от которого перехватывало дыхание, запрет, который хотелось нарушить, и искушение, против которого не было защиты. И еще... еще что-то, от чего сердце сжималось даже сейчас, когда между нами лежали сотни миль.

Прерывисто выдохнув, я сжала ложку, сосредотачиваясь на еде, заставляя свои мысли отлипнуть от выжженного в памяти яркого образа.

Глупая. Глупая.

Всего лишь одна ночь — она не стоила того, чтобы столько о ней вспоминать.

Я отчаянно нуждалась в чем-нибудь, чем могла бы отвлечься, а потому прислушалась к болтовне за соседними столами. Слева — обсуждали ярмарку и продажу лошадей, а

вот разговор справа меня заинтересовал.

— Э-эх, слышал? — хмыкнул первый, швырнув пустую кружку на стол. — Баронов-то счетовод вдруг запил! И мало того — зерно распродал, а вырученные деньги — пропил!

Второй усмехнулся, оглядываясь по сторонам:

— Да, говорят, нашли его у реки... Весь синий, будто зимой купался. А кошель — пустой, хоть шаром покати.

Первый хихикнул, оголяя кривые зубы:

— Ну и что? Фробу теперь не до него — графский-то помощник на днях приедет! А как отчитываться — зерно пропало, бумаги пропали... Вот и бегают, ищет кого-то, кто цифры складывать умеет...

— Да кому охота? — второй махнул рукой. — И грамотеев в округе днем с огнем не сыщешь!

Тут ко мне подлетела верткая девочка-служка и широко улыбнулась.

— Комната готова, госпожа!

Я кивнула, поднялась, чувствуя, как ноют уставшие ноги.

— Проводишь меня?

В ее глазах прямо-таки заплясали монетки. И она, подпрыгнув, как на пружинах, рванула вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки.

— Вы осторожней, госпожа, — тараторила она, оборачиваясь ко мне на бегу. — Чужаки к нам редко заглядывают, а вы девица молодая, да красивая. Я весь вечер только и слышу, как все вас обсуждают! Ну право! Где ж это видано од-

ной путешествовать!

Я улыбнулась ее заботе и, как заученный урок, выдала байку о трагичном замужестве.

Девчушка сочувственно поцокала, остановилась у двери и, выпалив: «Пришли!», уставилась на меня, сверкая глазами.

Я не сдержала смешок и сунула ей монетки.

— Вот, за отличное обслуживание. А еще скажи-ка мне, правда говорят, что у господина Фроба спился счетовод?

Она закивала так, что косичка запрыгала, как живая.

— А как же! Об этом все только и говорят! А ведь казался таким трезвенником, никто бы и не подумал! — выпалила девчушка. — Ужас просто! И...

Она вдруг замялась, будто хотела добавить что-то еще, но передумала.

Я продолжила:

— А правда ли, что, если барон не сдаст книги учета графскому помощнику, ему будет несдобровать?

— Конечно! — согласилась она, размахивая руками. — Граф страсть какой сердитый! Ему везде чудится обман. И такой он вредный — если что не по нему, так до самого инквизитора дойдет!

Тут уже я сглотнула. Нет уж, никаких инквизиторов нам не нужно.

— Спасибо, — кивнула я и, сунув ей еще медяк, скользнула в комнату

Спальня была убрана небогато, но после стольких дней в пути, она показалась мне настоящими хоромами. Не раздеваясь, я легла на мягкую постель и закрыла глаза. Но мысли уже крутились, как белка в колесе.

Фроб. Счетовод. Графский помощник.

Может... Может, это шанс?

Скрыться не просто в другой деревне, а за бумагами, цифрами и чужой бухгалтерией. Кто будет искать беглянку в конторе какого-то Фроба?

Я медленно провела рукой по животу.

— Малыш, — прошептала я, — кажется, я придумала, как нам устроиться.

Но в тот же миг кольцо на моем пальце дрогнуло и... стало ледяным. Настолько холодным, что кожа вокруг него побелела. Я попыталась стянуть его - но металл будто прирос к плоти.

И тогда я услышала - нет, почувствовала - едва уловимый звук. Как далекий звон мечей или, может, цепей?..

Сердце заколотилось.

Если кольцо так реагирует... Значит ли... Значит, ли что Роан был уже совсем близко?

Владение Фроба предстало передо мной во всей своей безупречной строгости: отполированные до зеркального блеска гербы горделиво красовались над массивными ду-

бовыми воротами, кусты, подстриженные с геометрической точностью, напоминали идеальные сферы, а стражники в латных доспехах, сверкающих под слепящим солнцем, стояли неподвижно, словно статуи. Каждый камень, каждый лист здесь кричал о неустанной педантичности хозяина. И если даже мельчайшая деталь в этом царстве порядка была на своем месте, то побег счетовода и пропажа казны должны были стать той еще головной болью для барона.

— Тебе кого? — гаркнул стражник, сурово нахмутив брови.

Его взгляд, скользнувший по моей потрёпанной дорожной одежде, выдавал явное замешательство.

— Барона Фроба. — Я выпрямилась, намеренно сделав голос твёрже. — Слышала, ему требуется счетовод.

Его глаза сузились. Несколько секунд он молча изучал меня, пытаясь разгадать, какое отношение к бухгалтерии может иметь обычная девчонка. Наконец, он фыркнул, но ответил неожиданно сдержанно:

— Если пришла просить за мужа - уходи, — он отвёл взгляд, понизив голос. — Господин сегодня... не в духе.

Я улыбнулась — широко, заразительно, так, как улыбаются женщины, знающие силу этого оружия.

— Не получится ли всё же с ним поговорить? Прошу, вы бы безмерно мне помогли!

Стражник замер, будто неожиданно упёрся в невидимую стену. Его глаза округлились, а губы непроизвольно разжа-

лись, выдавая глуповатое, почти растерянное выражение. Он даже поправил шлем, будто это могло придать ему больше значимости.

— Впрочем... и правда, — пробормотал он, почесав щетинистый подбородок. — Хуже явно уже не будет.

С неохотной решимостью он махнул рукой вглубь двора, кивнул стоящему неподалёку напарнику, и, тяжело вздохнув, двинулся вперёд, явно не представляя, как объяснит барону своё решение.

Во внутреннем дворе царила та же безукоризненная строгость — словно даже ветер боялся сдвинуть лист не вовремя. Но стоило переступить порог замка...

Холл, который должен был поражать гостей высокими сводами и сверкающими гербами, напоминал скорее склад в разгар переучета. Повсюду стояли опломбированные, но полупустые бочки, мешки из-под муки, а в воздухе витала едкая смесь пыли, воска и чего-то лекарственного.

Слуги сновали туда-сюда, но без привычной слаженности — их движения были резкими, нервными, будто они за кем-то подсматривали. В углу двое перешептывались, бросая косые взгляды в сторону возвышения, где за столом, заваленным бумагами, сидел барон Фроб.

Коричневый бархатный камзол висел на нем, как на вешалке, подчеркивая болезненную худобу. Лицо землистого оттенка, а глаза — лихорадочно блестели, будто он долгие ночи проводил без сна.

Рядом старик-писец дрожащими руками перебирал бумаги, время от времени поджимая плечи, словно ожидая удара.

— Ты что, совсем дурак?! — внезапно рывкнул барон, и старик вздрогнул, опрокинув чернильницу.

Мой провожатый вдруг сжался, прочистил горло, но вместо уверенного доклада издал писклявый звук, будто мальчишка, пойманный на краже яблок:

— Г-господин Фроб! К вам... посетитель.

Барон вскинул голову, и в его взгляде полыхнул недобрый огонь. Но, едва заметив меня, огонь сменился — сперва на миг удивления, а затем...

Что-то в его глазах вспыхнуло — не гневом, а жадным, ненасытным любопытством. Взгляд скользнул по моей фигуре, остановился на лице, задержался на губах — медленно, оценочно, словно пробуя на вкус. Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, а пальцы сами сжались в кулаки.

Он улыбнулся — неприкрыто, снисходительно, словно уже принял решение.

— Милая гостя, — произнес он, и его голос лип к коже, как мед. — Каким ветром вас занесло в мои владения?

— Доброго дня, господин, мое имя Марисель Брамс, — я сделала поклон, ровно настолько, чтобы сохранить вежливость, но не показаться подобострастной. — И я хотела спросить, не нужен ли вам грамотный счетовод?

Его брови взлетели, глаза расширились — сначала от неожиданности, потом от внезапного озарения, будто перед

ним не женщина, а сундук с золотом, который сам пришел в его руки.

— Грамотный счетовод? — повторил он, и его губы растянулись в слишком широкой, слишком голодной улыбке. — О, милочка... Ты даже не представляешь, как ты своевременна.

Он резко поднялся, оперся о стол костлявыми руками, наклонился так близко, что я почувствовала запах вина и чего-то горького — миндаля, возможно.

— Ты идеальна, — прошипел барон, глаза блестели, как у кота, увидевшего сливки. — Красива, умна... И, должно быть, очень, очень отчаянна, если пришла ко мне.

У меня засосало под ложечкой. И внезапно идея прийти сюда показалась мне большой-большой ошибкой. Но что мне оставалось, если деньги Роана утекали, как песок сквозь пальцы? Идти побираться?

Скрывая нервозность, я стиснула пальцы в кулаки и выдавила еще одну улыбку.

— Мне потребуется комната и еда, а оплату возьму только после того, как сделаю работу.

— Конечно-конечно! — закивал Фроб с преувеличенной готовностью, а затем, выхватив взглядом одну из служанок крикнул: — Мэг! Помоги госпоже Брамс расположиться в комнате на втором этаже и не забудь помочь ей с одеждой.

Служанка вздрогнула, будто её кнутом стегнули, и резко выпрямилась, глаза округлились — сначала на барона, потом

на меня.

— С-сейчас же, господин! — выдохнула она, сжав передник.

Её взгляд скользнул по моей потрёпанной дорожной одежде, задержался на лице — на миг в нём мелькнуло что-то похожее на жалость, но тут же погасло, заменяясь покорным испугом.

— П-пойдемте, г-госпожа... — прошептала она.

Плохое предчувствие сжалось внутри в тугую комок. Я медленно поклонилась, стараясь не выдавать дрожи в коленях, и отступила, чувствуя, как взгляд барона провожает меня — тяжелый и прилипчивый.

Мэг рванула вперед, словно спасаясь от погони, а я последовала за ней шагом, осматриваясь и ощущая, как тревога медленно оседает на ребра.

Точно ли я не ошиблась?

Живот скрутило.

Пока все происходящее дурно пахло. Мне не нравился этот замок. Не нравились эти стены. Не нравилось, как барон смотрел на меня — словно я уже его собственность. Да черт побери, даже этот пропащий счетовод уже казался жертвой, а не вором!

Шаркающие шаги Мэг эхом отскакивали от сводов, заставляя меня ежиться.

«Нет. Всё в порядке, — принялась я успокаивать сама себя. — Средневековые — не мой мир. Здесь одинокая женщи-

на всюду будет мишенью. Разве что попаду к хозяйке-женщине... Но где их искать? Да и денег почти не осталось»

От перспективы ночевки на улице, холодной, голодной с малышом под сердцем я ощутила слабость в коленях.

Нет. Бежать сейчас — глупо.

Пальцы впились в ладони так, что под ногтями выступила влага.

Но этот похотливый ублюдок... Я заставлю его смотреть на меня с уважением. Покажу ему, чего я стою, и тогда...

Дверь скрипнула впереди. Мэг замерла, словно перед виселицей, и обернулась:

— В-ваша комната, госпожа.

Её глаза бегали от меня к двери, будто ждут, что из-за нее выскочит призрак.

Да, что с ней не так?!

Нахмурившись, я шагнула внутрь и застыла.

Льющийся из окна свет выхватывал слишком идеальные детали – золотую вышивку без единой пропущенной нитки, серебро без пятнышка, гобелены без следов моли. Комната была готова. Ждала. Но явно не счетовода.

Тогда кого?

Я обернулась к Мэг, чтобы спросить, не ошиблась ли она, но дверь уже закрылась. Тихий скрип замка прозвучал как щелчок ловушки. Тревога взорвалась внутри. Стала осязаемой.

В горле набух нервный смех. К черту! Нужно убираться

отсюда! И я шагнула было к двери, но... Куда? Куда я пойду? Где мне найти безопасное место для меня и малыша? Существовало ли оно?

Распахнувшаяся вдруг дверь заставила вздрогнуть.

— Г-госпожа? — раздался с порога дрожащий голос Мэг.

— Я принесла воду для ванны.

За ней маячили две служанки с деревянными ведрами, их лица были бледны, а движения — резкими, как у загнанных зверьков.

Одна из них не поднимала взгляд, другая беспрестанно кусала губу.

Почему они так боятся? Почему здесь все дрожат?

Я хотела спросить, но в горле пересохло. Вместо этого кивнула и отступила, пропуская их внутрь. Они зашевелились, словно ожившие тени, и принялись наполнять ванну, стараясь не смотреть на меня. А когда работа была закончена, они низко поклонились и поторопились уйти.

Я смотрела им вслед, чувствуя, как сжимается все. Почему они так со мной? Я ведь просто женщина, пришедшая в замок в поисках работы. Мои пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но боль не заглушала страх.

Вдох. Выдох.

Стараясь дышать размеренно, я подошла к двери и защелкнула замок. Тогда тревога немного утихла - по крайней мере мысль о том, чтобы раздеться и принять ванну больше не вызывала во мне ужаса.

Я сбросила плащ, сняла платье и, перешагнув через одежду на полу, забралась в горячую воду по самый подбородок. Пальцы привычно накрыли живот.

— Потерпи, маленькое сокровище, — прошептала я, чувствуя, как голос дрожит. — Мамочка со всем разберётся.

Раста. Будь сильным. Я очень тебя жду. Только не покидай меня. Пожалуйста.

Вода обжигала кожу, но внутри всё ещё было холодно. Замок был чужим, стены — враждебными, но здесь... Здесь, в этой маленькой комнате, в этой ванне, в этой хрупкой тишине — мы были в безопасности хотя бы на мгновение.

Я закрыла глаза, позволяя себе расслабиться и...

Услышала щелчок.

Сердце замерло. Спина напряглась.

Что... Что это? Я же закрыла дверь. Я точно закрыла! Тогда откуда звук? Может, показалось?

С бешено бьющимся сердцем я обернулась и оцепенела. По коже побежали мурашки.

На кровати лежало платье. Тёмно-зелёное. Дорогое. А моя дорожная одежда исчезла без следа.

Тонкий пузырь безопасности со звоном лопнул. Я вдруг ощутила себя *слишком* голой, будто меня выставили на площади всем на показ. Поспешно поднявшись, я торопливо закуталась в полотенце и, подбежав к двери, немеющими пальцами защелкнула замок.

Неужели я ненадолго задремала, и служанки принесли

платье? Служанки ли?

Волна холода пронеслась по телу. В голове мелькнула мысль сейчас же убраться из этого проклятого места, пропади эта должность счетовода пропадом! И возможно так бы я и сделала только вот... Кошель с деньгами исчез вместе с плащом.

Дрожь во мне родилась откуда-то изнутри. Я вдруг ощутила себя такой маленькой и такой беспомощной, совершенно одной, вынужденной сражаться с целым миром, лишь за то, чтобы у меня не отняли собственного ребенка.

Если бы... Если бы только все было по-другому!

В памяти вспыхнули ставшими ненавистными крепкие руки, завораживающий взгляд золотых глаз, твердое тело под пальцами. Тепло, проникающее в самое сердце. Туманящий разум аромат ладана и мороза.

Если бы я только могла положиться на тебя...

Обняв себя руками, я медленно вернулась к кровати, разглядывая платье. Хотелось плакать. Жалость к себе расплзалась по телу, разъедая легкие. Но...

Я сглотнула и выдохнула.

Нет. Все это лишь цена моего будущего счастья. Просто нужно немного потерпеть. Нужно сжать зубы и постараться не нервничать, чтобы малыш внутри меня рос крепким и здоровым. И через несколько месяцев или лет, я оглянулась назад и вспомню этот миг с улыбкой.

Мысль мне понравилась.

Я улыбнулась себе и подняла с кровати платье, разглядывая его внимательнее. Оно пахло лавандой и явно было не новым, хотя очень хорошо сохранившимся.

«Будем надеяться, что в нем никто не умер», — ехидно вставил внутренний голос, и из меня вырвался нервный смешок.

Да уж, было бы замечательно.

Сборы не заняли много времени. Пришлось потуже затянуть шнуровку, потому что платье явно было для женщины с более округлыми формами. Разгладив складки тяжелой ткани, я подошла к зеркалу.

Несмотря на целый месяц дороги мое лицо выглядело на удивление свежим и отдохнувшим. Кожа лучилась здоровьем и молодостью. А зеленый бархат прекрасно гармонировал с каштановым цветом моих волос.

Интересно все же, чье это платье? Жены барона? Есть ли она у него, интересно? И если есть, как отнесется к моему присутствию? Мне бы не хотелось с ней ссориться.

Бросив последний взгляд на свое отражение в зеркале, я подошла к двери, намереваясь, наконец, начать разбираться, что творилось в этом гребаном замке, как дверь вдруг снова чудесным образом распахнулась.

ГЛАВА 7

Ледяная волна пробежала по спине. И на пороге, как воплощение моих самых мрачных предчувствий, показался барон. Его тень перекрыла весь свет из коридора, окутав меня холодной полутьмой.

— Госпожа Брамс, — произнес он, — я надеюсь, вы уже освоились?

В глазах его светилось что-то... нет, не любопытство. Скорее, терпеливое ожидание охотника, который уже видит добычу в своих сетях.

— Да, благодарю, господин.

Мои губы растянулись в дежурной улыбке, но внутри всё сжалось в комок.

Он кивнул, глаза медленно скользнули по телу и застыли на лице, будто пробуя его на вкус. Взгляд его стал тяжелым и липким.

— Бедная моя жена...

Он провёл пальцами по рукаву платья, словно гладил призрака, а потом широко улыбнулся.

— Она так любила это платье.

Запах лаванды внезапно стал удушающим, а в ушах застучало — будто сердце пыталось вырваться из груди.

— Я прикажу принести вам еще несколько. Моя госпожа прикована к постели, — прошептал он, наклоняясь так близ-

ко, что я почувствовала запах вина и чего-то горького. — И вряд ли уже встанет.

Его глаза, голодные и жадные, скользнули по моему лицу, ловя каждый проблеск эмоций. Но я лишь сжала зубы, чувствуя, как по спине ползет ледяная змейка...

Чудовище. Бесстыжее, отвратительное чудовище.

Как можно при живой жене — пусть даже прикованной к постели — раздавать её платья первой попавшейся «хорошенькой девице»? У меня на языке уже вертелись слова, от которых даже грубый матрос покраснел бы, но я придержала их при себе.

— А... — взгляд барона остановился на моей руке. — Какое чудесное кольцо, госпожа Брамс. Неужели вы замужем?

Впервые за последний месяц мне хотелось сказать правду.

«Да, господин. Я обручена с Его святейшеством Роаном Альвьером. И если бы он знал, какие мысли вы позволяете себе в адрес его суженой... никакая одежда, ни даже гроб не понадобились бы уже вам!»

Посмотрела бы я, как искажилось бы в страхе лицо этой свиньи! Но правда была роскошью, поэтому я, опустив глаза, заученно повторила ложь:

— Да. Мой муж погиб в кораблекрушении.

— Примите мои искренние соболезнования. Кому, как не мне, понимать вашу боль.

От его лживых слов меня замутило, и это чувство лишь усилилось, когда он протянул мне руку.

— Позвольте, госпожа Брамс. Я проведу вас на ваше новое рабочее место.

Я шла за бароном, чувствуя, как внутренности стягиваются в ледяной узел.

Каменные стены сжимались вокруг, как петля, и в этом узком коридоре было только двое: я и господин Фроб, от взгляда которого хотелось закутаться в паранджу. Я пыталась убедить себя, что страхи — лишь игра воображения, но холодный пот на спине говорил обратное. И мне оставалось лишь нервно крутить на пальце кольцо рода Альвьер, что странным образом немного успокаивало меня.

Дверь скрипнула.

Барон открыл её с театральным размахом, словно открывал сундук с сокровищами, а не запylённую конуру бывшего счетовода.

— Вот твой новый кабинет, — проронил он. — Здесь трудился твой предшественник... пока не решил, что чужая ответственность принадлежит ему.

Слова падали, как камни.

Я медленно переступила порог, стараясь не дрогнуть, но все внутри сжалось.

Маленькая пыльная комната. Зарешечённое окно — как в тюремной камере. Стол, заваленный бумагами. Одинокaя недогоревшая свеча.

— Всё как он оставил, — бросил барон, взглянув на меня

с фальшивым сожалением. — Жаль, что доверие так легко потерять.

Я сглотнула.

Жаль, что и жизнь тоже.

Барон не уходил. Он стоял в дверях, заложив руки за спину, и наблюдал, как я осматриваю кабинет. Его взгляд был тяжёлым, как свинец, но в уголках губ играла лёгкая, почти дружелюбная улыбка.

— Ну что, нашла что-нибудь интересное? — спросил он, переступив порог и медленно обходя стол.

Я пожалала плечами, стараясь казаться рассеянной:

— Пока только пыль да старые записи.

Он кивнул, словно ожидал именно этого ответа, затем провёл пальцем по краю стола, разглядывая пыль на кончиках перчаток.

— Знаете... — начал он, внезапно оживляясь, — а ведь драгоценности моей жены уж слишком хороши, чтобы пылиться без дела.

Я замерла, стараясь не показать, что поняла намёк.

Он улыбнулся, как человек, предложивший стакан воды в пустыне, и отступил к двери:

— Подумай, милая. Жаль ведь, если такие вещи пропадут зря.

И с этими словами Фроб вышел, оставив меня наедине с тишиной, которая звенела в ушах.

Ощувив внезапную усталость, я рухнула на стул, чувствуя

себя так, будто несколько часов таскала тяжелые мешки.

Мерзкий. Какой же он мерзкий. Явно набивался ко мне в любовники! Нашлось чудо! Тоже мне!

От злости у меня свело зубы. Захотелось взять что-нибудь тяжелое, последовать за бароном, и хорошо, от всей души приложить ему по голове! Скотина!

Но вместо воплощения злобных планов я потрянула головой и еще раз обвела взглядом стол, прикидывая, что из этого мне понадобится, и с чего начать работу. Прежде всего стоило изучить записи о прошлогоднем урожае и торговле, если они остались. Потому опросить людей в замке - так можно будет примерно прикинуть расходы.

Что ж... Пора навести здесь порядок!

— Итак... — перо замерло над пергаментом, оставив кляксу, похожую на черную звезду. — В месяц на кухне уходит около тридцати-сорока пяти мешков зерна?

Повариха застыла, ее пальцы нервно перебирали край фартука, словно она мысленно пересчитывала каждый украденный горшок с крупой.

— Ну... так точно, госпожа... — ее голос дрожал, будто она боялась, что даже это признание прозвучит как приговор.

Я медленно вывела цифры, затем резкими движениями расчертила таблицу — линии легли жесткими штрихами.

— Хорошо... — прошептала я, в уме раскладывая цифры. — Прошлой осенью заготовили восемьсот пятьдесят меш-

ков. Кухня за год должна была израсходовать триста пятьдесят, гарнизон и лошади — еще четыреста пятьдесят. И зерно не продавали на ярмарках. Значит, в амбарах должно оставаться минимум пятьдесят мешков.

Перо замерло над пергаментом, оставляя чернильную паутину.

— Но их нет.

Повариха замерла, будто между нами пролетела невидимая стрела.

— Что такое, госпожа Брамс? — её голос дрожал, как лист на ветру.

Я медленно подняла глаза, взгляд мой был холоден, как лезвие ножа.

Прошлый счетовод был не просто вором. Он был профессионалом — под носом у барона прикарманил три телеги ячменя и пшеницы. Но как? Как он вывез их из замка, не оставив ни следа, ни свидетелей?

Счетовод не вывозил зерно.

Он его прятал.

Где-то в этих стенах, за кирпичами подвала, в потайных нишах или под полом конюшни — лежали не только украденные мешки, но, возможно, и ткани, и специи, и даже серебряные кубки. Он сбежал налегке, оставив в замке пособника. Наверняка, их планом было постепенно вывести ценные запасы и продать на черном рынке. А поскольку книга расходов тоже пропала, то и сказать, сколько пропало никто

бы не смог.

Это дело дурно пахло.

Я никак не могла знать, сколько сообщников было у счетовода. Один? Двое? А может, он в сговоре с половиной замка – от поварихи до старшего стражника. А теперь он мертв, и как знать, была ли его смерть случайностью, или кто-то, быть может, просто не захотел делиться добычей. Восстановить книгу расходов – это одно. Но лишить кого-то большого куша – совсем другое.

Лети оно все в бездну! Жалкий шанс того, что барон отметит мою работу и перестанет смотреть, как на вещь, не стоила моей жизни. Не стоила жизни малыша. Пожалуй, для всех будет лучше, если я не полезу дальше, чем нужно.

Покажу барону, что я действительно хороша в своём деле. Аккуратно сведу цифры, восстановлю книги – на этом все.

Не моя вина, что в этом замке воруют.

Не моя вина, что барон слишком поздно спохватился.

Не моя вина, что чьи-то руки уже давно тянутся к его золоту.

Моя задача – выжить. А остальное – не мои заботы.

Тем временем кухарка, казалось, стояла на грани обморока. Её пальцы судорожно сжимали передник, а губы дрожали так, будто она пыталась и не могла выдавить ни звука. На мои записи она поглядывала с суеверным ужасом – словно перед ней лежали не цифры и подсчёты, а разоблачительный приговор.

Что ж, похоже, как минимум одного подельника я нашла. Стремясь успокоить её, я нарочито громко цокнула языком:

— Какой же хитрый и ненасытный у вас был счетовод!

Кухарка закивала так рьяно, что её подбородок задрожал, а капли пота покатались по вискам.

— Да-да, госпожа! Такой прохиндей! Никогда он мне не нравился!

Я вежливо улыбнулась, делая вид, что принимаю её слова за чистую монету – но в этот самый миг краем глаза заметила подозрительное движение. Одна из кухонных служанок, та самая тщедушная девчонка, что всё утро пряталась у печи, с неестественной осторожностью поставила на поднос глиняный графин и юркнула в узкую, неприметную дверцу, будто боялась, что её остановят.

Отложив свиток, я медленно поднялась и направилась к камину, где на углях стоял небольшой котелок со все ещё дымящейся светло-зелёной жидкостью – именно её служанка только что разлила в графин. Присев на корточки, я наклонилась ближе, и...

В нос ударил едкий, горький запах, от которого непроизвольно свело челюсти. Лекарство? Так пахнет разве что отравя.

— Кому-то в замке нездоровится? — спросила я, нарочито беззаботно, но пристально наблюдая за кухаркой.

Выражение её лица стало точь-в-точь такое же, как когда

я почти обвинила её в пособничестве счетоводу – глаза расширились, губы задрожали, а пальцы вцепились в передник так, что побелели костяшки.

— Нет! Что вы, госпожа! — её голос прозвучал слишком высоко, почти визгливо.

Разве? А как же прикованная к постели госпожа Брамс?

Я слегка прищурилась и, подхватив с подставки черпак, зачерпнула жидкость. На самом дне, среди мутной зелени, плавали острые, как лезвия, листья с кроваво-красными прожилками, которые даже после долгой варки не потеряли свой ядовито-яркий цвет.

Мне вдруг стало нехорошо. Жарко. Воздуха не хватало.

Я, пропади оно все пропадом, видела это растение раньше! В замке Альвьеров я изучала все, что под руки попадалось, и одной из книг был сборник ядовитых трав. В памяти всплыли строки: «В листьях кровавой полыни содержится один из самых эффективных медленных ядов»

Яд. А не лекарство.

Я медленно вылила отвар обратно, но рука дрогнула, и несколько капель пролилось на каменный пол.

В ушах застучало. Сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться из груди. Я резко выпрямилась, чувствуя, как земля плывёт под ногами. Воздух стал густым и тяжёлым, с горьким привкусом.

Здесь было небезопасно. Стены, полы, потолок, каждый обитатель, и особенно господин Фроб – все здесь кричало об

угрозе.

Бежать. Отсюда нужно было бежать, и чем быстрее, тем лучше!

Бросив прямо на кухне новую книгу учета, которую заполняла, я торопливо покинула замок и пересекла внутренний двор.

Я старалась не торопиться. Уговаривала колотящееся сердце успокоится, пыталась вытащить из живота распарывающий внутренности клинок тревоги. Насильно разжимала пальцы. Но тело не слушалось — мышцы свело судорогой, будто невидимые нити натянулись до предела, готовые лопнуть.

До вождеденных ворот оставалось совсем немного. Ещё мгновение — и я смогу вдохнуть полной грудью, почувствовать дорожную пыль вместо удушливого страха. Но сначала мне нужно было миновать дежуривших на посту стражей. Их доспехи тускло поблескивали в закатном свете, а глаза — холодные, оценивающие — не мигая следили за каждым моим движением.

Я растянула губы в легкой, беззаботной улыбке, будто просто вышла подышать вечерней прохладой, и сделала шаг вперед. Они ответили шагом навстречу.

Еще один — и их плечи уже перекрывали проход, стальные латы скрипнули, будто предупреждая: «Дальше — никому».

— Простите, госпожа, — один из них произнес без эмо-

ций, — приказ барона. Никого не выпускать.

Второй даже не потрудился открыть рот — просто скрестил руки на груди, и этого хватило, чтобы по спине пробежали мурашки.

Осознание было мгновенным и странно отрезвляющим, будто ледяная вода хлынула в жилы.

Игры кончились. Я в ловушке.

ГЛАВА 8

Я медленно отступила, чувствуя, как каждый мускул напрягся до боли, готовясь к прыжку, к борьбе, к чему угодно — но разум уже понимал: бежать некуда.

Барон отдал приказ неспроста. Неспроста...

Я разжала пальцы, которые сама не заметив, как сжала в кулаки и повернулась к замку, чувствуя, как тьма его коридоров смыкается вокруг меня. Еще вчерашнее «безопасное убежище» вдруг предстало передо мной огромным чудовищем, жадно распахивающим пасть и пожирающим все, что оказалось поблизости.

Липкий страх овладел каждой клеточкой моего тела. Врыл ноги в землю. Разогнал сердце до бешеной скорости. Заставил меня задыхаться.

Почему мне запретили выходить? Неужели барону не понравилось, как близко я подобралась к правде? И что мне теперь делать? Как сбежать?

Взгляд лихорадочно скользил по шпилям башен, по серым камням и идеально подстриженным кустам.

«Моя заметки!» — вдруг прострелило меня осознанием.

Если барон в чем-то подозревает меня, и если увидит то, что я успела собрать за сегодня — капкан на моей ноге захлопнется раз и навсегда.

Я подобрала юбки и рванула на кухню, чуть не споткнув-

шись о собственные ноги. Легкие горели от бега, а разум с космической скоростью складывал разрозненные кусочки информации в единую картину.

Раньше я думала, что счетовод хотел нажиться на бароне.

Тогда он должен был вести двойную бухгалтерию – «белую» для себя и «чёрную» для барона. И, конечно, подельники – слуги, которые прячут зерно, стража, которая «не видит» телеги.

Но что, если все совершенно по-другому? Что, если зерно уже продано, деньги получены, а счетовода убили, чтобы не делиться. Но тогда, где книги? Ведь они были единственным гарантом безопасности для него, гарантом того, что барон ни о чем не узнает. Их выкрали прежде, чем расправится со счетоводом?

Я сжала кулаки, ощущая, как по спине ползет холодный пот. Если так... значит, кто-то опаснее управляет этой игрой. Например, сам барон...

Щелк.

В голове будто с громким звуком встал на место неведомый механизм.

Я резко затормозила в коридоре, ощущая как ледяная дрожь разливалась по телу. Неужели он? Но зачем барону красть собственное зерно?

Чтобы платить меньше подати графу? Возможно.

Но тогда почему не сделать это тихо? Зачем устраивать спектакль со счетоводом-пьяницей? Зачем оставлять такой

явный след?

А если... это вовсе не воровство?

Что, если вся эта история с пропажей — лишь дымовая завеса? Занавес, скрывающий нечто куда более мрачное?

Я впилась зубами в губу, пока не почувствовала привкус железа, вспоминая его маслянистый взгляд, эти слащавые, будто медом намазанные улыбки, неестественное спокойствие человека, у которого в подвалах пропало состояние.

Мне не нравилось, как складывалась новая картина — четкая, логичная и от этого вдвойне жуткая.

Хитрый барон годами водил графа за нос, платя подати меньше положенного. А счетовод покорно вел двойной учет. Все работало, как шестеренки в механизме — слишком гладко, чтобы быть случайностью. Но механизм дал сбой.

Что-то изменилось. Счетовод начал нервничать — может, потребовал больший куш, может, испугался последствий. А может, узнал, что барон решил под шумок избавиться от больной жены, которая слишком много видела... И решил воздействовать на Фроба, быть может, даже угрожал?

И тогда его убрали как несговорчивого подельника, оформив это как пьяную гибель — нарочито и демонстративно.

Но зачем же барону понадобилась я? Почему он так обрадовался новому счетоводу?

И тогда все окончательно встало на свои места.

Книги! Точнее, книга.

«Черная» книга действительно должна была пропасть. Но

где-то в замке должна быть и вторая — книга настоящих доходов и расходов. И новый счетовод барону был нужен, чтобы составить новую «черную» книгу, которая заставит графа и дальше верить в прежние подати.

Я уставилась в одну точку на полу, осознавая, насколько же влипла. В горле забурлил нервный смех, близкий к истерике.

Черт... Черт, черт, черт!

До кухни оставалось всего несколько шагов, которые я преодолела на одеревеневших ногах, с бешено стучащем в горле сердцем толкнула дверь и...

— Госпожа Брамс! — хищно оскалился Фроб, держа в руках мои заметки. — Какая отличная работа!

Вся прислуга на кухне прибилась к стенам, как напуганные мышки, не смея поднять голов. Трескучее напряжение в воздухе можно было резать ножом.

— Кто бы мог подумать, что ваш ум нисколько не уступает красоте! Какая поразительная редкость! — продолжал петь мне дифирамбы барон, буравя меня пристальным взглядом, и с каждым его словом казалось, словно он забивал гвозди в крышку моего гроба.

От напряжения у меня затряслись колени. Я схватила за дверной косяк, стискивая его до побеления пальцев. Растянула помертвевшие губы в улыбке.

Если Фроб расправился с прошлым счетоводом, что ему мешало покончить со мной?

— Женщинам, вроде меня, редко позволяют касаться бумаг. Я могла лишь надеяться на то, что господин барон отметит мою работу.

Все, что мне оставалось — делать вид, что я ничего не понимала. Но в глазах барона я прочитала — он мне не верит.

— Всего лишь за день вы смогли столько всего узнать. Я действительно восхищен. С вашим талантом мы управимся с восстановлением книги учета за несколько дней.

Не отрывая от меня взгляда, Фроб медленно положил бумаги на стол и двинулся ко мне. Не дернуться и остаться неподвижной стоило мне нечеловеческих усилий.

— И разумеется, я не оставлю без награды вашу помощь. Дрожь зародилась где-то в животе, распространяясь по всему телу. Я чувствовала, как мелко стучат от страха зубы, но подняла подбородок и выдавила очередную улыбку.

— Что вы, господин, я даже подумать о таком не смею.

— Нет-нет, госпожа Брамс.

Теперь нас разделял всего лишь жалкий шаг. На таком ничтожном расстоянии я могла чувствовать исходящий от него спертый запах вина и тошнотворный аромат лаванды. Могла видеть гнилые зубы, когда он улыбался.

— Лекари говорят, что моей супруге осталось совсем недолго. Скорбь моя непомерна, но упустить столь редкую драгоценность вроде вас...

Я не хотела слышать, что он скажет дальше. Это не могло происходить со мной.

— Как только вы подготовите книгу для графского посланника, и когда старая госпожа Фроб отойдет в мир иной, вы станете моей женой.

Бам-с.

Мир словно раскололся напополам, оставив меня с фальшивой улыбкой, и сочащимся из каждого кусочка тела смердящим ужасом.

Я не обманывалась его речами и четко слышала двойной смысл — «будь умницей и подготовь правдоподобную книгу для графской проверки».

— Боюсь... — я ненавидела, что мой голос дрожал от страха, ненавидела, что барон это видел, ненавидела, как он улыбнулся еще шире, еще гнуснее. — Боюсь, я все же не справлюсь с этой задачей. Я лишь глупая женщина. Я себя переоценила.

Барон поцокал языком, и его пальцы стальным захватом сжались на моих плечах. Он наклонился ко мне, его запах усилился, поднимая внутри волну тошноты.

— Прошу вас, подумайте еще раз, — тихо произнес Фроб. — Подготовьте мне книгу и примите мою защиту. Ведь для одинокой и столь прекрасной женщины мир вокруг полон опасностей...

Не мигая, я смотрела на ворот его камзола. И где-то внутри из-под слоя страха, отвращения и беспомощности поднималась новая эмоция.

Злость.

Она рвалась изнутри и ревущим огнем бежала по коже.

Отвратительный гнусный червяк! Кто он такой, чтобы мне приказывать?! Зазнавшийся, ограниченный мужлан! Хочешь, чтобы я написала тебе чистенькую книжку для проверки? Отлично.

Я напишу.

О, не сомневайся!

А вместе с этим, костями лягу, но переверну этот гребаный замок вверх дном, найду настоящую книгу, а потом... О, с каким удовольствием я ткну в нее посланника графа носом!

— Если господин Фроб считает, что так будет для меня лучше... Мне остается только доверится его мудрости, — процедила я сквозь зубы.

Из него вырвался смешок.

— Я не сомневался в вашей благоразумности, госпожа Брамс. Или мне теперь стоит называть вас - Марисель?

Ах ты, бесстыжая наглая тварь!

Гнев забурился, поднимаясь к самому горлу. Пальцы сжались в кулаки и впились ногтями в ладони.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль – надо сдержаться, но сдерживаться я уже не могла. И когда я уже открыла рот, собираясь высказать этому гнусному борову все, что я о нем думала, на кухню вдруг влетела Мэг.

— Господин Фроб! — испуганно воскликнула она и с побелевшим лицом рухнула на колени. — Госпожа Фроб!

Она... пропала!

Замок стоял на ушах. Стражники, как гончие, рыскали по всей территории, пытаясь отыскать следы пропавшей баронессы. Но часы шли, а поиски не приносили результатов.

Фроб лютовал, из главного зала то и дела доносились его крики и слышался плач допрашиваемых им женщин. И его гнев растекался по стенам, потолкам и лестницам, пропитывая в замке каждый камень. Напряжение повисло в воздухе, отзываясь пупырчатыми мурашками на коже. Особенно это было заметно по слугам. И без того зашуганные и забитые они теперь и вовсе передвигались по замку, как призраки, боясь попасть на глаза рассвирепевшему хозяину.

На меня же внимания никто не обращал.

Пока замок содрогался от гнева барона, я обыскивала уже четвёртую комнату.

Руки дрожали, когда перебирала пергаменты в резном шкафу.

Где ты, чёртова книга?

Я должна найти ее. Обязана!

Я не думала, что будет, если меня поймают и даже не пыталась придумать отмазку.

Тело действовало так, словно ему отдал приказ невидимый и всемогущий командир - открыть дверь, войти внутрь, обыскать все ящики, заглянуть под мебель, проверить нет

ли тайных ходов или тайников под коврами и выйти. И так, комната за комнатой.

Захлопнув дверцы шкафа, я метнулась к стене с гобеленами и, едва ли не срывая их с гвоздей заглянула под полотно. Меня трясло изнутри. Пульс в висках стучал так громко, что чужих шагов я бы даже не услышала.

Я что-то упустила? Что-то не увидела?

Скамья, кресла, шкафы, теперь гобелены – я все проверила.

Судорожно выдохнув, я помчалась к двери и, выскользнула наружу, собираясь добраться до следующей комнаты, как вдруг...

Кто-то схватил меня за руку!

Крик замер в горле. Я резко обернулась, ожидая встретить взбешенного барона, но передо мной стояла... женщина. Она стояла в потайном проходе, скрытом за нишей – бледная и худая. Ее мокрые от пота волосы были убраны под ночной колпак, к телу липла белая сорочка. Она вся тряслась, в ее лице не было ни кровинки, щеки впали, губы потрескались, но глаза... Карие, почти черные глаза горели знакомым мне чувством – отчаянным желанием бороться.

— Помоги мне! — прохрипела она, сдавливая мое запястье до боли. — По... моги!

Я моментально поняла, кто передо мной - госпожа Фроб.

Баронесса смотрела на меня с отчаянием. Ведь в целом замке на ее стороне не было ни одного человека. Муж хотел

ее смерти, а слуги были слишком запуганы, чтобы посметь послушаться его.

Я была ее единственной надеждой на спасение, но что я могла, если меня саму держали в заточении?!

Сердце болезненно сжалось от сочувствия и беспомощности. Как бы я хотела ей помочь! Как бы хотела спасти нас обеих, но!.. Но могла ли я так рисковать?

— Я...

Взгляд госпожи Фроб разрубал меня на части. В нем было столько надежды, столько боли и бессильной злости. И я понимала ее всей душой, но...

Черт возьми!

Барон не тронет меня, пока я не сдам графскому посланнику «черную» книгу. Мы с малышом в безопасности, но если я влезу туда, куда не следовало... Что тогда?

Нет! Нет, это... Но...

С ощущением, словно кто-то всадил топор мне меж ребер, я дернула рукой, пытаюсь освободиться.

— Простите... — просипела я, ощущая, как ком царапает горло. — Простите, но...

— Умоляю тебя! — всхлипнула она.

Слезы хлынули по ее бледным щекам, и у меня внутри что-то разорвалось.

Как я могла просто бросить ее?! Кем я буду после этого?!

В отчаянии я огляделась и схватила ее за руку. Голова кружилась. Это все словно происходило не со мной. Какое-то

безумие.

— Барон травит вас кровавой полынью!..

— Знаю, знаю! — перебила она меня, всхлипывая.

— Сколько дней?!

— Я... — ее тело содрогнулось. — Я не помню! Я не...

Ее затрясло с новой силой.

У меня в животе все перевернулось.

Я чувствовала, словно я шла над пропастью по тонкому канату, и время на то, чтобы ее преодолеть стремительно заканчивалось.

— Сколько дней?! — надавила я, пытаюсь придать собственному дрожащему голосу твердость. — Это важно! Вспомните!

Она заморгала, словно пыталась продраться сквозь туман в собственной голове.

— День пересчета урожая...

День пересчета урожая! Это было две недели назад! Значит, шанс еще есть!

— Вы знаете противоядие?! — набросилась я на нее с новой силой. — Пожалуйста, подумайте!

— Кажется... кажется это... — запинаясь, начала госпожа Фроб.

Но тут до нас донесся стремительно приближающийся топот ног. Стража была близко! Если они увидят? Куда нам деться?! И меня словно переклинило. Ухватив баронессу за руку, я резко дернула ее на себя и крикнула:

— Сюда! Я нашла ее!

— Нет! — ее крик был полон животного ужаса. Она попыталась вырваться, но в ее истощенном теле не осталось сил.

Не прошло и минуты, как в коридоре показался барон с двумя стражниками за спиной. И когда он увидел меня, его глаза вспыхнули торжеством, губы расплылись в той самой мерзкой, самодовольной ухмылке.

— Вы продолжаете все больше и больше меня восхищать, Марисель.

— Нет! — плакала баронесса, оседая на пол. — Умоляю! Не надо!

— Госпожа Фроб совсем обессилила, — сквозь ком в горле прохрипела я и отвела взгляд в сторону. — Видимо ее разум помутился от лекарств, она не понимает, что делает себе лишь хуже, сопротивляясь лечению, —

— Верно, Марисель. Лучше и не скажешь, — льстиво отозвался Фроб, и уже совершенно другим тоном отдал приказ страже: — Верните ее в комнату.

— Нет! — из последних сил взывала бедная баронесса, когда стражники подхватили ее под руку. — Умоляю! Отпустите!

Глаза горели так, будто их посыпали раскаленными углями. Почему я еще не плачу? Может, потому что грудь болела настолько сильно, что даже дышать было сложно?

— Я знал, что вы сумеете оценить мой дар по достоинству, Марисель. А теперь возвращайтесь в спальню. День был на-

сыщенный, вернетесь к работе завтра.

Я машинально кивнула. Тело оцепенело. Ногти впились в ладони до крови.

Простите, госпожа Фроб. Я спасу вас.

Клянусь.

ГЛАВА 9

За ночь мне едва ли удалось сомкнуть глаза. Тревожные образы преследовали меня до самого утра, а чувство вины не давало убежать в собственные грезы хотя бы на час.

Правильно ли я поступила, окликнув стражу? Возможно было бы лучше, скройся госпожа Фроб в тайном проходе? Но разве ее не нашли бы все равно? А сырость и сквозняки коридора лишь навредили бы ее здоровью.

Хотя баронесса теперь вероятно считает меня главным своим врагом после муженька. Отчаянная надежда в ее глазах снова и снова всплывала в моей памяти, делая мне хуже и хуже.

Разум пытался прорваться сквозь спутанный клубок теснящихся в груди чувств. И иногда ему это удавалось.

«Нет. Я поступила правильно. Пусть не лучшим образом, но правильно», — твердила я себе.

Теперь у меня даже было преимущество – я немного укрепила доверие барона ко мне. Пусть он считает, что я слепо верю его лжи. Пусть рисует в воображении покорную куклу. Чем глупее я кажусь – тем свободнее мои руки.

Чем меньше он ждет от меня подвоха, тем больше у меня пространства для маневра.

Когда стук в дверь наконец раздался, я с трудом поднялась с кровати, ощущая тяжесть бессонной ночи на плечах.

Мэг проскользнула в комнату, не поднимая глаз — как будто боялась увидеть мои мысли. В руках она держала очередное богато украшенное платье. На этот раз оно было нежно-персикового цвета.

— Доброго утра, госпожа, — прошелестела она, низко кланяясь. — Позвольте помочь вам собраться.

Рядом с ней нужно быть очень осторожной. Пусть Мэг и казалась блеклой тенью, но она безропотно подчинялась барону. Именно она вчера сообщила о пропаже госпожи. И именно ей было поручено проводить меня в комнату.

Что если в ядре ее преданности лежал не только страх? Тогда она может сообщить барону обо всем, что покажется ей подозрительным.

— Доброе утро, Мэг. Как чувствует себя госпожа Фроб после вчерашнего?

Мэг сжалась.

— Я... за госпожой Фроб ухаживает другая служанка, госпожа. Господин велел вам позавтракать с ним.

Другая? Странно. Почему же Мэг первой узнала об исчезновении баронессы? Неужели она выполняет особые поручения для барона?

— Господин Фроб очень добр, — заметила я, позволяя ей помочь мне с умыванием. — Кто бы мог подумать, какое великодушие он проявит ко мне, простой девушке?

— Не мне судить, госпожа, — прошелестела Мэг, убирая мои волосы в высокую простую прическу. — Позвольте по-

мочь вам одеться.

Стараясь выглядеть расслабленно, я с пристальным напряжением следила за каждым ее взглядом и жестом. И от меня не укрылось, как на миг замерли ее пальцы, когда она помогала мне со шнуровкой платья, и как с ее губ сорвался слабый выдох - усталый? Недовольный? Завистливый?

Что же творилось в твоей голове, Мэгги? Какую роль ты играла в этом проклятом замке?

Барон завтракал в тесной комнате, где массивный камин занимал полстены, а над ним на дымоходе нависала огромная голова чучела медведя — его стеклянные глаза слабо поблескивали, будто следя за каждым моим движением. Сам Фроб сидел лицом к проходу и сразу же заметил нас с Мэг, стоило нам показаться в проходе.

Его взгляд жадно прошел по моему телу с головы до ног и рот растянулся в мерзкой ухмылке.

Отвратительно. Казалось, его взгляд полз по коже щупальцами, оставляя на ней липкие следы.

— Марисель, вы очаровательны.

Губы сами собой сжались в узкую полоску, язык уже готов был выплюнуть: «Пошел к черту!». Но вместо этого я выдавила фальшивую улыбку и поклонилась.

— Доброе утро, господин Фроб. Благодарю вас за новое платье, оно чудесно.

На этом вежливые расшаркивания закончились. Барон с

видом властелина, которому принадлежало все в этом мире, откинулся на спинку стула и кивнул подбородком в сторону расставленных на столешнице угощений.

— Поухаживайте за мной, Марисель.

Моя улыбка застыла.

Этот гад словно намеренно испытывал меня на прочность! Хотел, чтобы я со сладкой улыбкой накладывала ему на блюдо самые аппетитные кусочки и подливала в чашу вино? Мерзавец! А яда у вас тут случайно не завалилось?!

— С великим удовольствием, господин Фроб, — кое-как выдавила я и двинулась было в его сторону, но он поймал меня за руку и, не сводя омерзительного собственнического взгляда, прижался мокрым ртом к тыльной стороне ладони.

— Честер. Зовите меня Честером.

Его губы были влажными и горячими, как у больной собаки, а слюна будто прожгла кожу. Мерзко-мерзко-мерзко! Я сглотнула ком в горле, чтобы не закричать.

У меня все перевернулось внутри, а слабый голод безвозвратно испарился, уступив место раздувающемуся чувству тошноты.

Жалкий червяк!

— Честер...

Почему мне так хотелось помыть рот с мылом?

Барон широко улыбнулся.

— Вы определенно умница.

«Это лишь временно. Все в порядке. Нужно потерпеть со-

всем немного. Разве мне привыкать? Свекровь бывшего мужа я тоже не переваривала, но ничего - выдержала же. И сейчас выдержу», — уговаривала я себя, накладывая барону ароматное мясо и пряные овощи.

— Вы так много делаете для меня, Честер, — проговорила я, опуская блюдо перед Фробом. — Позвольте мне помочь вам.

— В чем же? — хмыкнул он, хватаясь руками за куриную ножку.

Меня едва не передернуло, но кое-как я сохранила контроль над лицом.

— Позвольте мне заботиться о госпоже Фроб.

Хрустящая ножка замерла, не дойдя до рта барона. Он прищурился и уставился на меня, будто пытаюсь отыскать в моем лице подвох.

— Зачем вам таскать горшки за больной женщиной? Это дело слуг.

Ну, уж нет, тварь ты такая. Я не отступлю.

Переборов себя, я мягко улыбнулась и, подавшись вперед, накрыла его чистую руку своей рукой.

— Прошу, Честер. Вчера у меня разбилось сердце, когда я увидела госпожу. Раньше я ухаживала за своей бабушкой. У меня большой опыт. Я не смогу спокойно жить, зная, что могла помочь госпоже, но проигнорировала ее нужды. Умоляю вас! Она ведь тоже не чужой вам человек!

Просительным тоном я загоняла барона в его же ловушку.

Это ведь он разливался ручьем о том, как любит жену.

— Клянусь, это никак не повлияет на составление мной книги!

Я наклонилась ближе, позволяя его руке почувствовать вес моей груди, а его взгляд, словно масляная лужа, растекся по вырезу платья. Грязное животное.

— Что ж... Если вы так переживаете, Марисель... — про-
бормотал он.

Какое же ты отвратительно похотливое чудовище!

— Но это не так просто, как вам кажется... Для госпожи нужно варить лекарство...

— Я смогу! Просто пусть слуги научат меня! Вы же позволите мне, Честер? Правда? — демонстрируя максимум актерских способностей, я смотрела на мерзкого борова, как на личного идола.

Он хмыкнул, и в его глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения — будто кот, которому подсунули кусок повкуснее.

— Такая мелочь...

— Ох, благодарю вас! Благодарю, Честер!

За весь завтрак я так и не проглотила ни кусочка, и стоило барону покинуть столовую, как я помчалась на кухню.

— Слушайте сюда! — голос рванулся из горла резче, чем я планировала. Пар от котлов обжигал лицо, смешиваясь с запахом пережаренного лука и чего-то кислого — будто сама кухня впитала в себя годы немытой безнадеги. — Отныне по

приказу барона я буду заботиться о госпоже Фроб!

Мое объявление повисло в воздухе. Все замерли — даже шум котлов на мгновение стих. Только быстрый перестук ножей по доскам выдавал, что слуги делают вид, будто не слышат. Главная кухарка вытерла мокрые руки о передник, оставив на ткани мокрые отпечатки, и медленно повернулась ко мне, будто ожидая очередного удара.

— Дело это хлопотное, госпожа. Непросто вам будет.

Сама разберусь.

Я поджала губы, не в силах отделаться от мысли, что все присутствующие молча наблюдали, как барон медленно убивал свою жену. В их глазах я искала хоть каплю стыда — но видела лишь страх и привычку.

— Кто обычно готовит для госпожи лекарство? — спросила я требовательно.

И снова переглядки.

— Майла, — будто с неохотой ответила кухарка. — Она как раз собирает на дворе полынь.

Больше ничего мне знать было не нужно.

Как удобно! Даже траву для убийства не надо далеко искать — все под рукой, как специи для супа.

— Спасибо, — процедила я и поспешила к задней двери.

Отыскать служанку, собирающую кровавую полынь, не составило большого труда. На дворе разбился целый небольшой огород, на грядках которого я угадывала ростки укропа, редиски и лука, а рядом — кроваво-красные стебли полыни.

Тощая девушка в сером платье, сплошь покрытом заплатками, голыми руками рвала ядовитую траву и складывала ее в небольшую корзинку. Картина была настолько обыденной, что я ощутила дрожь в коленях и поднимающееся чувство тошноты.

Две недели... Всего две недели – и травить человека стало для них привычкой.

— Майла, — позвала я.

Вздвогнув, она обернулась и удивленно вытаращилась на меня.

— Госпожа?..

— Теперь я буду готовить лекарство для госпожи Фроб. Покажи мне, что и сколько ты рвешь.

Оказалось, что приготовить отраву было делом довольно хлопотным. И самым сложным было выварить полынь достаточно, для того чтобы она выделила яд - или, как говорила Майла, - целебный экстракт. И я все старательно запоминала. Пусть баронессу травить я не собиралась, но должна была готовить «лекарство» правильно, чтобы не вызывать подозрений.

К полудню руки дрожали так, что я едва удерживала ложку. Проклятая полынь въелась не только в кожу - она пропитала легкие, застряла в горле едким комом. Даже моргая, я видела перед глазами ее красно-зеленый оттенок - будто мир вокруг навсегда окрасился в цвет яда.

Ну и «лекарство»...

— Сначала напоите госпожу Фроб, и только потом помогите ей поесть, — наставляла меня Майла. — Но ее обычно рвет...

Естественно ее рвет! Вы ее травите!

Молча кивая и ненавидя ситуацию все больше и больше, я торопливо заставляла поднос едой. Последним я опустила кувшин с ядом. По телу прошла внутренняя дрожь от того, насколько *органично* он смотрелся на этом гребаном деревянном подносе.

Бедная госпожа Фроб...

Ухватившись за ручку, я сжала их настолько сильно что ладоням стало больно и направилась на второй этаж. По дороге ловила на себе взгляды слуг — кто-то отворачивался, кто-то притворялся, будто не замечает. Но все видели.

Что они думали? Что я алчная простолюдинка, желающая поскорее захватить себе место госпожи замка? Или считали меня наивной дурочкой, которая не знала, во что ввязывалась? Ненавидели они меня, жалели? Или им было все равно? Или их способность к состраданию и сочувствию давно отмерла в этом проклятом и бездушном замке?

Дверь в спальню баронессы была плотно закрыта. Перехватив поднос, я постучала.

— Войдите, — донесся слабый голос.

Госпожа Фроб сидела в постели, завернутая в одеяло. С безжизненным безразличием она смотрела на узор шерстяного одеяла, мелко дрожа.

Безнадежность.

Шанса на спасение больше не было. Теперь все, что ей оставалось – просто смириться. Так она, наверное, думала.

Мое сердце заныло при виде нее. Ведь это была и моя вина. Это я лишила ее этой надежды.

И словно прочтя мои мысли, баронесса подняла голову, увидела меня, и ее взгляд моментально изменился, вспыхнув злостью.

— Это ты... — ее голос был хриплым, но в глазах вспыхнула такая ненависть, что я невольно отступила. — Пришла лично удостовериться, что твой господин получит свое?

Рука баронессы судорожно сжала край одеяла.

— Я видела, как ты на него смотришь. Шлюха!

— Добрый день, госпожа Фроб, я принесла ваше лекарство, — голос звучал чужим.

За дверью могли подслушивать, поэтому я решила быть осторожной в словах.

— Лекарство? — баронесса закашлялась, надрывая горло и кутаясь в одеяло. — Да, он травит меня!

Внутри все переворачивалось. Так хотелось кинуться к ней и успокоить, сказать, что я здесь только ради нее. Но я лишь ровно ответила:

— Вы бредите. Лекарство вам поможет.

Поставив поднос на стол, я подошла к окну и резко распахнула створки. Солнце хлынуло внутрь, осветив пыль этой проклятой комнаты, похожей на склеп.

— Вам холодно, — сказала я, беря со стула дополнительное одеяло.

— Не прикидывайся доброй! — ее всю трясло, но она всё равно выкрикивала слова. — Ты такая же тварь, как и он!

Игнорируя ее ругательства, я подошла ближе и против ее воли закутала ее в одеяло. Затем подошла к камину и подкинула дров в почти затухший огонь.

— Я помогу вам принять лекарство, пожалуйста, не сопротивляйтесь. Я не хочу применять силу.

И тогда госпожа Фроб замерла, посмотрела на меня с цепляющей за самую душу тоской и тяжело выдохнула. Сдалась окончательно.

Я почти ненавидела себя за тот спектакль, который устроила. Но попасться было слишком опасно. Взяв с подноса чашу с жидкой похлебкой, я вернулась к кровати и присела на край.

— Откройте рот.

Она повиновалась, и я аккуратно скормила ей первую ложку похлебки.

Баронесса молча проглотила, а потом, словно с запозданием почувствовав вкус, резко вскинула голову и уставилась на меня в непонимании. Я растянула дрожащие губы в улыбке, едва сдерживая подступающие к глазам слезы.

— Знаю, что лекарство невкусное, но, пожалуйста, выпейте еще ложку, — выдавила я, зачерпывая еще похлебки.

Я не торопилась, кормила ее медленно, опасаясь, что нач-

нется тошнота. Но господа Фроб съела все до последней ложки и даже сумела проглотить несколько размягченных кусочков хлеба.

В покоях баронессы я провела несколько часов. Я вымыла полы до блеска, вытирая пыль с каждого уголка, будто пытаюсь стереть следы болезни и отчаяния. Госпожа Фроб молчала. Она наблюдала за мной настороженно, будто не понимая, что теперь от меня ждать. Я не торопила ее в выводах, позволяя увидеть все своими глазами.

Поставив деревянное ведро с водой на пол, я подняла с подноса кувшин с «лекарством», а затем медленно наклонила сосуд.

Капля за каплей яд начал стекать в ведро, смешиваясь с грязной водой. А вокруг стояла такая тишина, что было слышно даже тихое и хриплое дыхание госпожи Фроб.

И вдруг... Скрип – резкий, пронзительный, будто сама дверь вскрикнула от боли.

Ледяная волна пробежала по спине.

Я резко выпрямилась, машинально сжимая пустой кувшин. Глупое, беспомощное оружие против того, кто сейчас стоял за дверью.

Но кто?

Барон? Сама Майла? Или...

Дверь приоткрылась на палец. В щели мелькнула тень, и сердце на миг остановилось.

Вот, и все. Кто бы там ни был, он все видел. Теперь мне точно конец.

ГЛАВА 10

Дверь распахнулась шире, и в комнату вошла Мэг.

Черт возьми, принесла ее нелегкая! Если она расскажет барону...

Кровь ударила в виски, в ушах зазвенело.

Она застыла на пороге, её испуганный взгляд скользнул с моего лица на ведро с остатками отвара, потом на кувшин в моей руке — на мои пальцы, побелевшие от напряжения.

Я замерла, перестав дышать и готовясь к встрече с неизбежным, но Мэг, вдруг словно сломавшись, рухнула на колени, и ее всю затрясло.

— О, Боже! Я думала... вы... как они...

У меня вдруг ослабели ноги, и я, сама не понимая как, упала на пол вслед за Мэг. Облегчение прокатилось по телу мощной теплой волной, и пусть я все еще ни черта не знала, но уже догадалась, что опасность, еще мгновение назад нависающая надо мной острием гил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.